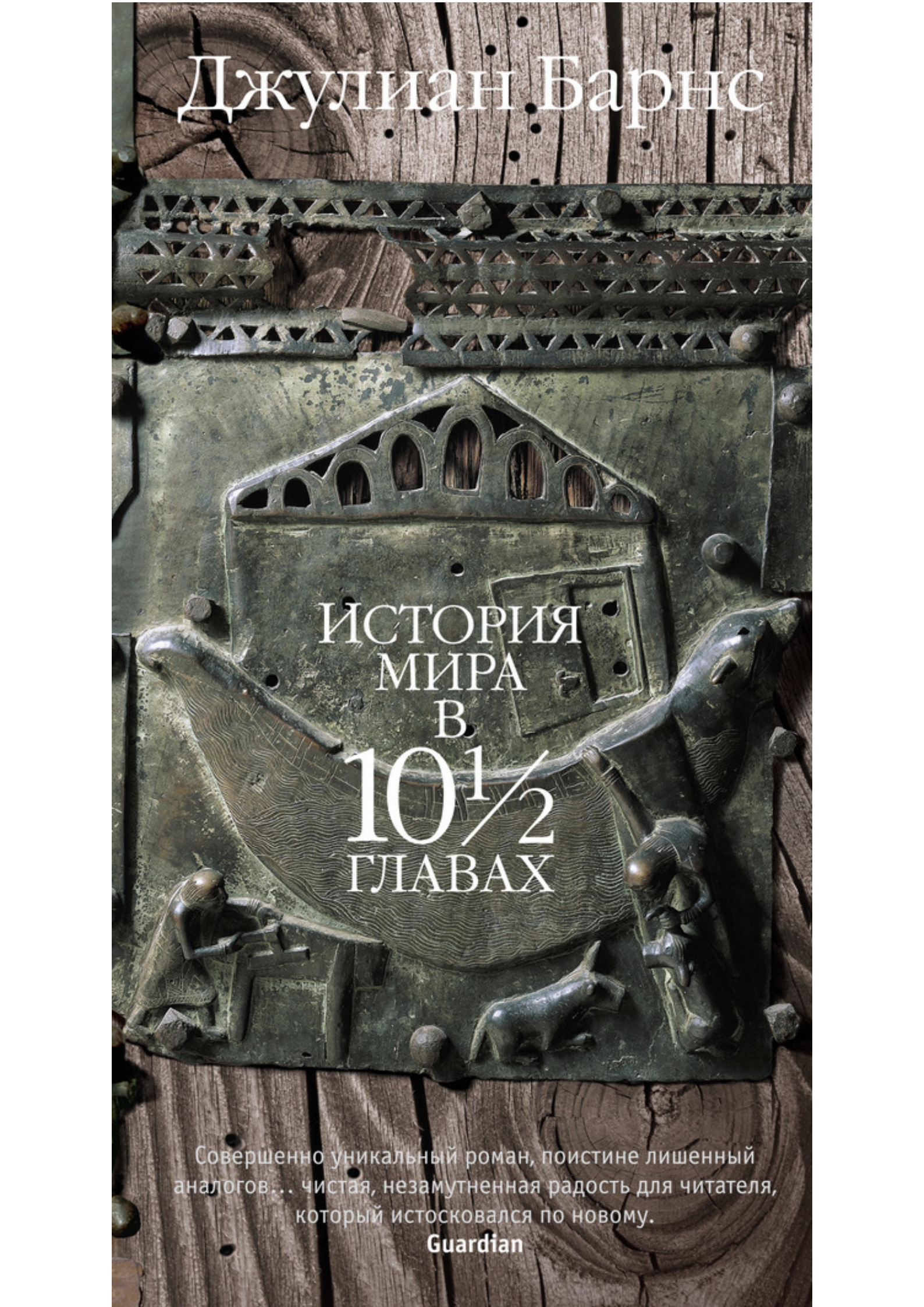

Джулиан Барнс

ИСТОРИЯ МИРА В 10¹/₂ ГЛАВАХ

Совершенно уникальный роман, поистине лишенный аналогов... чистая, незамутненная радость для читателя, который истосковался по новому.

Guardian

Большой роман

Джулиан Барнс

История мира в 10 1/2 главах

«Азбука-Аттикус»

1989

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Барнс Д. П.

История мира в 10 1/2 главах / Д. П. Барнс — «Азбука-Аттикус»,
1989 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-13072-2

Лауреат Букеровской премии Джулиан Барнс – один из самых ярких и оригинальных прозаиков современной Британии, автор таких международных бестселлеров, как «Шум времени», «Предчувствие конца», «Англия, Англия», «Попугай Флобера», «Любовь и так далее», «Метроленд» и многих других. Возможно, основной его талант – умение легко и естественно играть в своих произведениях стилями и направлениями. Тонкая стилизация и едкая ирония, утонченный лиризм и доходящий до цинизма сарказм, агрессивная жесткость и веселое озорство – Барнсу подвластно все это и многое другое. В романе «История мира в 10½ главах» он доводит мастерство перевоплощения до апогея: он говорит голосом насекомого, «зайцем» проникшего на Ноев ковчег, и астронавта, отправляющегося искать этот ковчег на гору Арарат, он имитирует судебную хронику Средневековья, и дотошно воспроизводит истинную подоплеку знаменитого полотна Жерико «Плот „Медузы“», и показывает ужас мгновенного перехода от благополучной жизни к ситуации, когда что ни сделай – будет только хуже...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-13072-2

© Барнс Д. П., 1989
© Азбука-Аттикус, 1989

Содержание

1. Безбилетник	7
2. Гости	22
3. Религиозные войны	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Джулиан Барнс

История мира в 10½ главах

Julian Barnes

A HISTORY OF THE WORLD IN 10. CHAPTERS

Copyright © 1989 by Julian Barnes

All rights reserved

© В. Бабков, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство Иностранка®

* * *

Посвящается Пат Кавана

1. Безбилетник

Бегемотов посадили в трюм вместе с носорогами, гиппопотамами и слонами. Это была хорошая идея – использовать их в качестве балласта, но можете себе представить, какая там стояла вонь. А убирать за ними было некому. Мужчины едва успевали кормить, а их надушенные женщины, от которых разило бы не меньше, чем от нас, не будь этих шлейфов искусственных ароматов, до подобной грязной работы не снисходили. Поэтому если кому и случалось убирать, так только нам самим. Каждые два-три месяца с помощью лебедки подымали тяжелую крышку кормового люка и запускали туда птиц-санитаров. Правда, первую волну смрада приходилось пережить (даже крутить лебедку редко кто соглашался по доброй воле); затем несколько самых непривередливых птиц с минуту осторожно порхали вокруг люка, а потом уж ныряли внутрь. Не могу припомнить, как они все назывались – между прочим, одной из тех пар больше не существует, – но вы знаете, о ком речь. Вы ведь видели гиппопотамов с разинутой пастью и смываемых птиц, выклевающих то, что застряло у них между зубами, словно помешанные на гигиене дантисты? Вообразите себе эту картину, но в увеличенном масштабе и на фоне навозных куч. Я не из брезгливых, но даже меня бросало в дрожь при виде того, как целой компании подслеповатых чудищ наводят красоту в выгребной яме.

На Ковчеге соблюдалась строгая дисциплина – об этом стоит сказать в первую очередь. Он не был похож на те пестрые деревянные игрушки, которыми вы забавлялись в детстве: все счастливые парочки довольны глазуют за борт из своих уютных чистеньких стоил. Не воображайте себе что-то вроде круиза по Средиземному морю, где мы от нечего делать поигрывали в рулетку да знай переодевались к обеду; фраки на Ковчеге носили только пингвины. Помните: это было долгое и опасное Путешествие – опасное, хотя кое-какие правила и установили заранее. Помните также, что у нас имелись представители всего животного мира: не посадите же вы гепарда на расстоянии прыжка от антилопы? Обеспечить известную безопасность было необходимо, и мы смирились с надежными замками, проверками стоил, ежевечерним комендантским часом. Но, как это ни грустно, были еще и наказания, и изоляторы. У кого-то из нашей верхушки появился пунктик, сбор информации; и некоторые пассажиры согласились работать осведомителями. Я должен с прискорбием сообщить, что временами доносы властям были вполне обычным явлением. Нет, наш Ковчег отнюдь не походил на заповедник; иногда он скорее напоминал плавучую тюрьму.

Конечно, я знаю, что те события описывают по-разному. У вашего вида имеется часто повторяемая версия, которая до сих пор привлекает даже скептиков; у животных есть ряд своих сентиментальных мифов. Но им-то ни к чему искать разоблачений, верно? Они-то ведь выглядят прямо героями, они ведь гордятся тем, что каждый из них может проследить свою генеалогию вплоть до самого Ковчега. Они были избранными, они все перенесли, они уцелели; для них довольно естественно сглаживать неловкости, демонстрировать удобную забывчивость. Но меня в этом смысле ничто не сдерживает. Я не был избранным. Собственно говоря, вместе с несколькими другими видами я никак не мог очутиться в числе избранных. Я был, так сказать, безбилетником; я тоже уцелел; я ускользнул оттуда (покинуть корабль было не легче, чем попасть на него); и я преуспел в жизни. Я стою немного особняком от остальной звериной братии, где еще сохраняются ностальгические союзы: есть даже Клуб Морских Волков, объединяющий виды, которые ни разу не страдали от качки. Когда я вспоминаю наше Путешествие, я не чувствую себя обязанным никому; благодарность не застит мне глаза. Моему отчету вы можете верить.

Думаю, вы уже догадались, что «Ковчег» был больше чем одним кораблем? Это название мы дали целой флотилии (ведь нельзя же рассчитывать втиснуть весь животный мир на единственное судно длиной в каких-нибудь триста локтей). Дождь шел сорок дней и сорок

ночей? Да конечно же нет – это было бы не дольше самого обыкновенного английского лета. По моей прикидке, дождь шел года полтора. А вода стояла на земле сто пятьдесят дней? Подымай выше – лет до четырех. И так далее. Представители вашего вида никогда не умели правильно оценивать сроки. Я приписываю это вашей непонятной одержимости числами, кратными семи.

Вначале Ковчег состоял из восьми судов: галеона Ноя, который тащил на буксире судно с припасами, четырех кораблей поменьше – их капитанами были Ноевы сыновья – и шедшего на безопасном расстоянии (поскольку члены этой семьи очень боялись заразы) санитарного корабля. Восьмое судно, сопровождавшее нас недолго, имело загадочное назначение; этот небольшой ходкий шлюп, вся корма которого была изукрашена филигранной резьбой по сандаловому дереву, угодливо держался поближе к ковчегу Хама. Очутившись с его подветренной стороны, вы могли уловить странные дразнящие ароматы; по ночам, когда утихала буря, оттуда временами доносились разухабистая музыка и визгливый смех – звуки для нас неожиданные, поскольку мы полагали, что все жены всех сыновей Ноя сидят в тепле и уюте на своих собственных кораблях. Однако это надушенное, развеселое суденышко оказалось непрочным: его утопил внезапный шквал, и Хам несколько недель после этого ходил задумчивый.

Следующим потерялся корабль с припасами – в беззвездную ночь, когда ветер стих и вахтенные дремали на посту. Утром за флагманским галеоном Ноя болтался лишь обрывок толстого троса, перегрызенного каким-то существом, обладающим острыми резцами и умением лазить по мокрым веревкам. Должен заметить, что взаимных обвинений хватало, да и то сказать – по-моему, это был первый случай исчезновения вида за бортом корабля. Вскоре потерялась и наша плавучая больница. Поговаривали, будто бы два этих события связаны, будто Хамова жена, которая была чересчур раздражительна, решила отомстить животным – очевидно, за то, что вместе с грузовым кораблем пропала коллекция вышитых одеял, труд всей ее жизни. Но наверняка так ничего и не выяснили.

Однако гораздо более серьезным несчастьем была потеря Варади. Вы знаете про Хама и Сима и про того, чье имя начинается на И; но о Варади вы даже не слышали, правда? Это был самый младший и самый сильный из сыновей Ноя, что, разумеется, не прибавляло ему популярности в семье. А еще у него было чувство юмора – по крайней мере, он часто смеялся, а ведь у представителей вашего вида это обычно соответствует умению понимать шутку. Да, Варади был всегда весел. Видели, как он прогуливался по шканцам с попугаями на обоих плечах; он похлопывал четвероногих по крестцу, на что они отвечали одобрительным ворчанием; и ходила молва, будто на его ковчеге царят гораздо менее суровые законы. И вот вам, пожалуйста: как-то поутру мы проснулись и обнаружили, что корабль Варади исчез за горизонтом вместе с одной пятой всего животного мира. Вам, думаю, понравился бы симург с серебристой головкой и павлиньим хвостом; но птица, которая гнездилась на Древе Познания, была так же беззащитна среди морских волн, как и обыкновенная пятнистая полевка. Старшие братья Варади говорили, что он не смог удержать курс; ругали его за панибратство с животными; намекали даже, что Бог наказал его за какую-то давнюю провинность – он якобы совершил нечто дурное, будучи еще восьмидесятипятилетним ребенком. Но чем бы ни объяснялось исчезновение Варади, это была серьезная потеря для вашего вида. Его гены очень вамгодились бы.

Для нас вся эта история с Путешествием началась, когда нам велено было явиться в назначенное место к назначенному сроку. Тогда мы и услышали о предстоящем впервые. Политическую подоплеку дела держали от нас в секрете. То, что Бог разгневался на свои создания, было для нас новостью; мы попались в ловушку, как кур во щи. *Нас-то* винить было не за что (вы ведь не принимаете всерьез басню насчет змея? это была Адамова грязная пропаганда), однако же и нам досталось полной мерой: каждый из видов был целиком стерт с лица земли, за исключением единственной брачной пары, обреченной на скитания по морям под началом старого мошенника и пропойцы, которому покатила уже седьмая сотня.

Итак, нам дали приказ; но правду, обратите внимание, от нас утаили. Вы что же, воображаете, что поблизости от Ноева дворца (о да, он был не из бедных, этот Ной!) обитали подходящие представители всей земной фауны? Ну-ну. Нет – им пришлось кинуть клич, а потом выбирать лучших. Поскольку они не хотели вызывать всеобщую панику, было объявлено соревнование парочек – нечто вроде конкурса красоты плюс проверки на сообразительность при наличии трогательного союза сердец, – а претенденты в назначенный месяц должны были собраться у Ноевых ворот. Представляете, сколько возникло проблем? Для начала, не все любили соревнования, так что удача, возможно, ожидала самых нахрапистых. Звери, у которых не хватало смекалки на то, чтобы читать между строк, решили, что им просто ни к чему выигрывать право на роскошный круиз для двоих, все расходы оплачены, благодарим за участие. Не учли Ной с семейкой и того, что животные некоторых видов тогда находились в спячке; не говоря уж об очевидном обстоятельстве, что одни звери передвигаются медленнее других. Существовали, к примеру, такие особенно неторопливые ленивцы – чуждые создания, клянусь вам, – которые еще не успели спуститься к подножию дерева, как уже были сметены гигантской волной Божьего гнева. Как это, по-вашему, называется – естественный отбор? Я бы назвал это профессиональной некомпетентностью.

Приготовления, скажу честно, шли из рук вон плохо. Ной запоздал с постройкой ковчегов (когда рабочие обнаружили, что для них самих каюты не предусмотрены, это им прыти не прибавило); в результате отбору животных было уделено недостаточное внимание. Первую же более или менее сносно выглядевшую пару встречали кивком – это стало системой; экзамен ограничивался лишь самой поверхностной проверкой родословной. И потом, они говорили, что возьмут по паре от каждого вида, – говорить-то говорили, но когда дошло до дела... Компания кое-каких существ оказалась попросту нежелательной. Так случилось и с нами; именно это вынудило нас пробраться на судно тайком. Были также отклонены заявки многих животных, которые имели основания считаться представителями особого вида. Нет, объясняли им, у нас уже есть двое ваших. Мало ли что у вас несколько лишних колец на хвосте или полоска пушистой шерсти вдоль хребта! *Вы* у нас уже есть. Извините.

Были прекрасные животные, явившиеся в одиночку и потому не принятые; были родители, которые не захотели бросить потомство и предпочли погибнуть вместе с ним; были медицинские осмотры, зачастую весьма бесцеремонные; и все ночи напролет тьма за оградой Ноева дворца оглашалась стенаниями отвергнутых.

Можете вы себе представить, что творилось, когда правда о целях этого загадочного конкурса наконец просочилась наружу? Разумеется, хватало и ревности, и некрасивых поступков. Некоторые из самых благородных животных просто ушли в лес – они не стали играть по оскорбительным правилам, навязанным им Ноем и Господом Богом, и предпочли смерть в волнах. Много резких и завистливых слов было сказано о рыбах; у амфибий явно прибавилось самодовольства; птицы учились как можно дольше держаться в воздухе. Кое-какие разновидности обезьян были замечены за строительством своих собственных грубых плотов. Однажды в Лагере Избранных вспыхнула таинственная эпидемия пищевых отравлений, после чего для отдельных, наименее выносливых видов пришлось заново начинать процесс отбора.

Иногда Ной и его сыновья буквально впадали в истерику. Это не очень-то согласуется с вашей версией? Вам ведь всегда внушали, что Ной был мудр, праведен и богобоязнен, а я отрекомендовал его истеричным мошенником и пропойцей? Что ж, две эти точки зрения нельзя назвать абсолютно несовместимыми. Вот вам подсказка: в Ное было мало хорошего, *но поглядели бы вы на остальных*. Нас отнюдь не удивило, что Бог решил отмыть себе репутацию, – странно только, что он вообще не изничтожил весь этот вид, создание которого делает так мало чести его творцу.

Временами Ной балансировал на грани срыва. Ковчег строился медленно, рабочих надо было торопить, сотни напуганных зверей столпились вблизи его хором, и никто не знал, когда

же пойдет дождь. Бог не пожелал даже сообщить Ную сроки. Каждое утро мы смотрели на облака: пригонит ли тучи, как обычно, западный ветер, или Бог нашлет свой ливень особого назначения с какой-нибудь неожиданной стороны? Погода понемногу портилась, и вместе с тем росла вероятность мятежа. Некоторые из отказников хотели захватить Ковчег и спастись сами, другие хотели вовсе разрушить его. Животные, склонные к умозрению, стали предлагать иные методы отбора, основанные на учете размеров претендентов и их полезности, а не только на числе; однако Ной высокомерно запретил все обсуждения. Это был человек со своими собственными маленькими теориями, и он не собирался их пересматривать.

Когда флотилия была уже почти готова к отплытию, ее приходилось охранять круглые сутки. Многие пытались пробраться туда тайком. Однажды поймали рабочего, который выдалбливал себе келейку в нижних тимберсах грузового корабля. Бывали весьма печальные зрелища: лосенок, повешенный за бортом Симова ковчега; птицы, пикирующие на защитную сетку; и так далее. Пойманных безбилетников казнили на месте; но даже этими публичными экзекуциями не удавалось запугать отчаянных. Я горжусь тем, что наш вид проник на корабль без кровопролития и не прибегая к помощи взятки; но мы-то не так заметны, как тот же лосенок. Как нам это удалось? У нас был прозорливый родитель. В то время как Ной с сыновьями грубо обыскивали подымающихся по сходням животных, бесцеремонно прочесывая руками подозрительно длинную шерсть и впервые в истории проверяя укромные места пассажиров (правила гигиены при этом, конечно, не соблюдались), мы уже были надежно скрыты от их взора и спокойно лежали в своих каютах. Один из корабельных плотников устроил нас на судне, едва ли догадываясь об этом.

Два дня ветер дул со всех сторон сразу; затем пошел дождь. Разверзлись хляби небесные, дабы отмыть от скверны наш грешный мир. Огромные, с голубиное яйцо капли расшибались о палубу. Счастливчики, представители видов, покинули Лагерь Избранных и были разведены по своим кораблям; это смахивало на принудительное массовое бракосочетание. Потом люки задраили, и все мы начали привыкать к темноте, тесноте и духоте. Вначале это не слишком нас беспокоило – уж больно мы радовались спасению. Дождь лил и лил, иногда сменяясь градом, барабанившим по доскам у нас над головой. Временами снаружи доносились раскаты грома и почти непрерывно – жалобные вопли покинутых животных. Постепенно крики становились реже; мы поняли, что вода прибывает.

Наконец настал день, которого мы так ждали. Сначала нам показалось, что последние уцелевшие толстокожие предприняли отчаянную попытку с боем прорваться на Ковчег или хотя бы перевернуть его. Но нет: просто наше судно дало крен, снимаясь со стапелей. Этот момент, я считаю, был наивысшей точкой всего Путешествия; изъясления братских чувств и благодарности в адрес человека лились рекой, как вино за Ноевым столом. Затем же... но, возможно, главная беда как раз в том, что звери проявили наивность, доверясь Ную и его Богу.

Основания для беспокойства возникли еще до того, как поднялись воды. Я знаю, что ваш брат смотрит на наше царство сверху вниз, порицает нас за жестокость, вероломство и канибализм (хотя вы должны были бы признать, что это скорее сближает нас с вами, чем наоборот). Но мы всегда, с самого начала, ощущали себя равными. Да, конечно, мы ели друг друга и все такое прочее; более слабые животные прекрасно знали, чего следует ожидать, если переходишь дорогу кому-то, кто больше тебя и вдобавок голоден. Но мы считали это естественным порядком вещей. Тот факт, что один зверь способен убить другого, отнюдь не возносил первого над вторым; он делал его лишь более опасным. Может быть, вам трудно это понять, но между нами существовало взаимное уважение. Поедать других не значило презирать их; а те, кто попадал другому на обед (или их родичи), вовсе не думали преисполняться благоговейного восхищения перед едоками.

Ной – или Ноев Бог – все это изменил. У вас было Грехопадение; было оно и у нас. Но нас к нему подтолкнули. Впервые мы заметили это, когда шел отбор в Лагерь Избранных. То,

что нам сказали насчет каждой твари по паре, было правдой (да вы и сами понимаете, что какой-то резон тут есть), но ведь этим дело не ограничилось. В Лагере мы стали замечать, что от некоторых видов оставлено не по двое, а по семеро (снова эта одержимость числом семь). Поначалу мы решили, что пятерых лишних берут про запас, на случай, если заболит основная пара. Но потом все стало постепенно проясняться. Ной – или Ноев Бог – постановил, что есть два типа животных: чистые и нечистые. Чистых брали на Ковчег по семеро; нечистых по двое.

Вполне понятно, что, узнав о такой разделительной политике, звери дружно вознегодовали. Действительно, во-первых, сами чистые животные были весьма смущены; они отдавали себе отчет в том, что мало чем заслужили это особое покровительство. Хотя именоваться «чистыми», как они вскоре обнаружили, было сомнительным плюсом. Быть «чистым» значило быть годным в пищу. Семерку встречали на корабле с распростертыми объятиями, но пятеро предназначались для камбуза. Им оказали оригинальную честь. Правда, условия, в которых они содержались до дня их ритуального убийства, были наилучшими из возможных.

Я-то иногда видел в этой ситуации и забавную сторону и мог позволить себе посмеяться – таково преимущество отверженного. Но среди тех, кто относился к себе серьезно, возникла уйма конфликтов на почве ревности и зависти. Свиньи, будучи от природы нечестолюбивыми, расстроились не слишком; но некоторые другие, отнесенные к нечистым, восприняли это как личное оскорбление. И надо сказать, что такая система – по крайней мере, в интерпретации Ноя – отнюдь не выглядела сколько-нибудь разумной. Что особенного в парнокопытных жвачных животных, спрашивали вы себя? Почему верблюда и кролика следует относить к зверям второго сорта? Почему рыб, имеющих чешую, надо отделять от рыб без чешуи? Лебедь, пеликан, цапля, угод – разве это не прекраснейшие виды? Однако их не наградили отличительным знаком чистоты. Зачем унижать мышей и ящериц – у которых, как известно, и так достаточно проблем – и тем самым еще больше подрывать их веру в себя? Если бы только нам удалось увидеть во всем этом хоть крупицу смысла; если бы только Ной объяснил все это потолковее. Но он умел лишь слепо подчиняться. Ной, как вам говорили много раз, был очень богобоязненный человек; и пожалуй, принимая в расчет характер Бога, вы не могли бы избрать более безопасную линию поведения. Но если бы вы слышали плач устрицы, серьезные и недоуменные жалобы омара, если бы видели, как горько сетует на свой позор аист, вы поняли бы, что наши взаимоотношения уже никогда не будут прежними.

Была и еще одна маленькая трудность. Представителей нашего вида, пробравшихся на борт контрабандой, благодаря несчастному совпадению оказалось именно семеро. Мы были не только безбилетниками (которые кое-кого раздражали) и не только нечистыми (которых кое-кто уже начал презирать); мы еще и оскорбили эти чистые и находящиеся на законном положении виды, уподобясь им в их священном числе. Скоро мы решили не говорить, сколько нас на самом деле, и никогда не появлялись в одном месте все разом. Мы выяснили, где мы на корабле желанные гости, а где нам лучше не показываться.

Так что, как видите, наш конвой с самого начала был несчастлив. Одни из нас тосковали по тем, кого пришлось бросить на погибель; других не устраивал их статус; третьи, которым было великодушно пожалован титул чистых, обоснованно опасались угодить в печь. А надо всем этим стоял Ной со своей семейкой.

Я не хочу задеть вас, однако Ной не был хорошим человеком. Разумеется, я понимаю, как неприятно вам это сообщение, ведь все вы его потомки; но факт есть факт. Он был чудовищем – самодовольный патриарх, который полдня раболепствовал перед своим Богом, а остальные полдня отыгрывался на нас. У него был посох из дерева гофер, и им он... в общем, полосы у некоторых зверей остались и по сей пору. Поразительно, что может сделать страх. Мне рассказывали, что у представителей вашего вида от сильного шока волосы могут побелеть в считанные часы; на Ковчеге страх творил еще и не такое. Была, например, пара ящериц, которые, едва слышав шаги спускающегося по трапу Ноя, натурально меняли цвет. Я сам это видел:

кожа их теряла естественную окраску и сливалась по цвету с окружающим фоном. Ной медлил у их клетки, на мгновение удивляясь тому, что она пуста, затем шел дальше; и когда стук сандалий из дерева гофер затихал, испуганные ящерицы начинали постепенно обретать свой нормальный вид. В послековчеговые годы эта уловка, очевидно, им пригодилась; но начиналось все с хронического ужаса перед «Адмиралом».

С северными оленями дело обстояло посложнее. Они всегда были пугливы, но это был не просто страх перед Ноем, тут крылось нечто более глубокое. Вы ведь знаете, что кое-кто из нас, животных, обладает даром предвидения? Даже *вы* и то это заметили, пронаблюдав за нашими повадками много тысяч лет. «Смотрите-ка, – говорите вы, – коровы опускаются на траву, значит дождик пойдет». Конечно, все гораздо тоньше, чем вы способны себе представить, и главное тут, уж разумеется, не в том, чтобы служить дешевым флюгером для человеческих особей. Во всяком случае, северных оленей тревожило нечто большее, чем сам Ной, нечто иное, чем морские бури; нечто... отдаленное. Они покрывались потом в своих стойлах, они негромко, боязливо ржали в периоды томительной жары; они лягали перегородки из дерева гофер в отсутствие видимой опасности – да и после не происходило ничего, что могло бы оправдать такое поведение, – причем беспокоились и тогда, когда Ной бывал настроен относительно мирно. Но северные олени что-то чувствовали. И это было что-то, в ту пору нам не доступное. Они словно говорили: по-вашему, мы переживаем сейчас самое худшее? Не надейтесь. Однако даже олени не могли разобраться толком, что их пугает. Это было что-то смутное, грозное... отдаленное.

Прочих же из нас, что вполне понятно, гораздо больше волновало сиюминутное. С больными животными, например, всегда поступали крайне безжалостно. Санитарного корабля нет, постоянно напоминали нам власти; поэтому не должно быть ни болезней, ни симуляции. Такой подход едва ли назовешь справедливым или реалистичным. Но мы прекрасно знали: о своем недомогании надо помалкивать. Только заикнись о том, что у тебя легкая чесотка, и не успеешь высунуть для проверки язык, как очутишься за бортом. А что потом случится с вашей лучшей половиной, догадываетесь? Кому нужны пятьдесят процентов от брачной пары? Ной не страдал излишней сентиментальностью и не собирался уговаривать безутешную вдову влечать одинокое существование вплоть до естественного конца.

Теперь ответьте на такой вопрос: чем, по-вашему, Ной и его семейка питались во время плавания? Кой черт, да *нами* же! Ведь если вы поглядите на нынешний животный мир, то поймете, что он далеко не полон, правда? Много зверей более или менее похожих, потом – брешь, а потом опять более или менее похожие? Я знаю, что вы придумали в истолкование свою теорию – про связь с окружающей средой и наследуемые навыки, что-то в этом духе, – однако загадочные пробелы в спектре творения объясняются гораздо проще. Одна пятая земных видов утонула вместе с Варади; а что до прочих отсутствующих, так их съели Ной и компания. Да-да. Была, например, пара арктических ржанок – очень славные птички. Когда они появились на судне, оперение у них было голубовато-коричневое в крапинку. Через несколько месяцев они начали линять. Это было вполне нормально. Летние перышки выпадали, а под ними уже проглядывали зимние, чистейшего белого цвета. Конечно, мы находились не в арктических широтах, так что эта подготовка к зиме была совсем необязательна; но природе ведь не прикажешь, верно? И Ною тоже. Едва заметив белеющих ржанок, он решил, что они занедали, и, обуреваемый трогательной заботой о здоровье других пассажиров, сварил несчастных птиц, слегка приправив их водорослями. Он был невеждой во многих отношениях и, уж конечно, не был орнитологом. Мы сочинили петицию и объяснили ему кое-что насчет линьки и соответствующих изменений окраски. Постепенно он, кажется, это усвоил. Но арктических ржанок было уже не вернуть.

Понятно, этим дело не кончилось. С точки зрения Ноя и его семьи, мы представляли собой просто-напросто плавучий кафетерий. На Ковчеге не разбирались, кто чистый, кто нечи-

стый; сначала обед, потом обедня, такое было правило. Вы и вообразить себе не можете, какой богатейшей фауны Ной вас лишил. Или, наоборот, можете, потому что как раз это вы и делаете: воображаете. Все эти мифические животные, которые грезились вашим поэтам в былые времена – ведь вы полагаете, что они либо были выдуманы сознательно, либо родились из описаний зверей, мельком увиденных каким-нибудь паникером после чересчур плотного охотничьего завтрака? Боюсь, что объяснение проще: Ной и его присные умяли их за милую душу. В начале Путешествия, как я уже сообщал, у нас в трюме была парочка бегемотов. Сам я их толком не разглядывал, но мне говорили, что звери были впечатляющие. Однако Хам, Сим или тот, третий, с именем на И, очевидно, заявили на семейном совете, что раз у нас есть слоны и гиппопотамы, то без бегемотов можно и обойтись; и вдобавок – наряду с принципиальными сюда примешались и практические соображения – двух таких больших туш должно хватить Ноевой семье не на один месяц.

Конечно, все вышло не так. Недели через три начались жалобы, что бегемота подают каждый вечер, и тогда – просто ради разнообразия – в жертву принесли новые виды. Время от времени бывали виноватые кивки на необходимость экономии, но я вам твердо скажу: к концу плавания оставалось еще много соленой бегемотины.

Саламандр постигла та же участь. Я имею в виду настоящих саламандр, а не тех малоинтересных животных, которых вы и поныне зовете этим именем; наши саламандры жили в огне. Бесспорно, это были существа уникальные; однако Хам, или Сим, или тот, другой, уверяли, что держать их на деревянном корабле слишком опасно, и потому от саламандр вместе с двумя языками пламени, служившими им жилищем, решено было избавиться. Затем погибли и карбункулы, и все из-за дурацкой байки, которую слышала жена Хама: будто бы у них в голове спрятан драгоценный камень. Она всегда была падкой на украшения, эта Хамова жена. Итак, они взяли одного из карбункулов и отрезали ему голову; раскроили череп и ничего не нашли. Может, камень бывает только у самок, предположила Хамова жена. Тогда вскрыли и второй череп, с тем же отрицательным результатом.

Я хочу поделиться с вами одной идеей, довольно спорной; но я чувствую, что все-таки должен ее высказать. Иногда мы подозревали за всеми этими убийствами какую-то систему. Очевидно, уничтожалось больше животных, чем было необходимо для пропитания, – гораздо больше. И в то же время с некоторых из них в смысле еды почти нечего было взять. Более того, чайки порой сообщали нам, что видели, как за корму летят чуть ли не целые тушки. Мы начали подозревать, что кое-кто из животных просто-напросто не нравится Ною и его родне. Василиски, например, отправились за борт очень рано. Ну да, они были не слишком-то симпатичны, но мой долг сообщить вам, что под их чешуей скрывалось совсем немного мяса и что в плавании они определенно ничем не болели.

Уже потом, размышляя о тех событиях, мы стали различать некий план, и реализация этого плана началась с василисков. Вы их, конечно, никогда не видели. Но если я опишу их как четвероногих петухов со змеиным хвостом, скажу, что они обладали очень неприятным взглядом и откладывали уродливые яйца, которые потом высиживали жабы, вы согласитесь, что это были не самые привлекательные существа на Ковчеге. Но они имели те же права, что и все прочие, разве не так? После василисков наступила очередь грифонов; после грифонов – сфинксов; после сфинксов – гиппогрифов. Вы-то, наверное, считали, что все это плоды чьей-то буйной фантазии? Ничуть. А заметили вы, что у них было общего? Они все были гибридами. Мы думаем, что это Сим – хотя, вполне возможно, и сам Ной – заботился таким образом о чистоте видов. Полная глупость, конечно, – как мы поговаривали между собой, стоит только посмотреть на Ноя и его жену или на трех его сыновей с тремя женами, и сразу поймешь, какая генетическая неразбериха будет царить среди представителей человеческой расы. Так с чего же они вдруг невзлюбили гибридов?

Однако самым печальным был случай с единорогом. Это угнетало нас в течение нескольких месяцев. Разумеется, ходили обычные грязные слухи – будто Хамова жена использует его рог в низменных целях; была и обычная посмертная кампания по очернению, проведенная властями, – якобы он пострадал из-за своего дурного характера, – но все это только подавляло нас еще больше. Неоспоримым же фактом было то, что Ной ему завидовал. Все мы уважали единорога, а старик не мог этого перенести. Ной – почему бы не сказать вам правду? – был злобен, вонюч, криводушен, завистлив и труслив. Он не был даже хорошим моряком: когда на море штормило, он уходил к себе в каюту, распластывался на лежанке из дерева гофер и покидал ее только затем, чтобы опорожнить желудок в тазик того же дерева; зловоние докатывалось до другого конца палубы. А единорог, в противоположность ему, был силен, честен, бесстрашен, всегда тщательно ухожен и не ведал даже минутной дурноты. Как-то во время шторма Хамова жена потеряла равновесие и чуть не свалилась за борт. Единорог – в силу своей популярности он пользовался некоторой свободой передвижения, дарованной ему в результате сложных закулисных переговоров, – подскочил к ней и рогом пригвоздил к палубе ее длинный плащ. Славно же его отблагодарили за находчивость – однажды, в годовщину отплытия, он был подан к столу. Клянусь в этом. Я лично разговаривал с ястребом-посыльным, который доставил еще теплый горшочек на Симов ковчег.

Конечно, вы можете мне не верить; но что сообщают ваши собственные предания? Возьмите историю о наготы Ноя – вспомнили? Это случилось уже после Высадки. Ной, как и следовало ожидать, был еще более доволен собой, чем прежде, – он спас человечество, он обеспечил процветание своей династии, Бог поставил с ним официальный завет, – и решил провести последние триста пятьдесят лет жизни, отдыхая от трудов праведных. Он основал на нижних склонах горы поселок (который вы называете Аргури) и коротал дни, изобретая для себя новые звания и титулы: Святой Рыцарь Бури, Великий Повелитель Шквалов и так далее. Ваше Священное Писание говорит, что он насадил у себя в усадьбе виноградник. Ха! Даже самому безыскусному уму понятен смысл этого нехитрого иносказания: он пил без просыху. Как-то вечером, после особенно тяжелого запоя, он разделся в спальне и тут же рухнул на пол – вполне обычное дело. Хаму с братьями случилось проходить мимо его «шатра» (это старое сентиментальное словечко из лексикона кочевников до сих пор используется для обозначения дворцов, где жили члены Ноева семейства). Они завернули туда проверить, не причинил ли себе их отец-пропойца какого-нибудь вреда. Хам вошел в спальню и... н-да, голый человек шестисот пятидесяти с лишком лет, валяющийся в пьяном оцепенении, – зрелище не из приятных. Хам поступил как почтительный сын: он попросил братьев прикрыть отца. В знак уважения – хотя этот обычай уже и тогда почти не практиковался – Сим и тот, с именем на И, вошли в опочивальню отца задом наперед и умудрились уложить его в постель, даже мельком не взглянув на те органы размножения, которые по какой-то таинственной причине являются для представителей вашего вида источником стыда. Благочестивые и похвальные действия с начала до конца, решили бы вы. И как же повел себя поутру Ной, мучимый жестоким похмельем, обычным следствием злоупотребления молодым вином? Он проклял обнаружившего его сына и объявил, что все дети Хама должны стать слугами двух его братьев, вошедших к нему в комнату вперед задницей. По-вашему, это разумно? Догадываюсь, что вы ответите: пьянство, мол, пагубно отразилось на его умственных способностях и надо пожалеть его, а не осуждать. Может, и так. Но на это я вам замечу: уж *мы-то* хорошо изучили его на Ковчеге.

Он был крупный человек, этот Ной, – размером с гориллу, хотя тут сходство кончается. Капитан флотилии – посредине Путешествия он произвел себя в Адмиралы – был равно неуклюж и нечистоплотен. Он даже не умел отращивать собственные волосы, разве что вокруг лица, – все остальное ему приходилось укрывать шкурами других животных. Поставьте его рядом с самцом гориллы, и вы сразу увидите, кто из них более высокоорганизован – а именно грациозен, превосходит другого силой и наделен инстинктом, не позволяющим ему вконец

обовшиветь. На Ковчеге мы постоянно бились над загадкой, почему Бог избрал своим протеже человека, обойдя более достойных кандидатов. Случись иначе, животные прочих видов вели бы себя гораздо лучше. Если бы он остановил выбор на горилле, проявлений непокорства было бы меньше в несколько раз, – так что, возможно, не возникло бы нужды и в самом Потопе.

А его запах... Одно дело влажная шерсть у животных, гордящихся своей чистоплотностью, и совсем иное – сырые, просоленные, нерасчесанные лохмотья, свисающие с шеи неопрятного существа, которое к тому же отняло их у других. Старый Ной не подсыхал даже в тихую погоду (я говорю со слов птиц, а птицам доверять можно). Он всюду носил с собой сырость и бурю, словно память о своих прошлых жестокостях или предвестие грядущих штормов.

Кроме риска угодить на стол, нас подстерегали во время Путешествия и другие опасности. Возьмите, например, наш вид. Попав на корабль и обретя надежное убежище, мы преисполнились самодовольства. Вы же понимаете, в те дни было еще далеко до увесистого баллончика, наполненного спиртовым раствором карболовой кислоты, далеко до креозота, и металлонафтенатов, и пентахлорфенола, и бензола, и парадихлорбензола, и ортодихлорбензола. Мы еще не вошли в семейство жуков *Cleridae*, или паукообразных *Pediculoides*, или паразитных ос *Braconidae* и прекрасно себя чувствовали. И тем не менее у нас был враг, и враг терпеливый – время. Что, если время вынудит нас претерпеть неизбежные превращения?

Впервые мы серьезно встревожились, когда увидели, что время и природа содейали с нашими родичами *xestobium rufo-villosum*. Это вызвало настоящую панику. Близился конец Путешествия; стояла тихая погода, и мы коротали дни, ожидая Божьей милости. Посреди ночи, когда Ковчег заштилел и все кругом объяла тишина, – тишина такая редкостная и глубокая, что звери замерли, прислушиваясь, и тем самым сделали ее еще более полной, – мы, к своему изумлению, услышали тиканье, которое издавали *xestobium rufo-villosum*. Четыре или пять резких щелчков, потом пауза, потом приглушенный ответ. Мы, скромные, осторожные, малопопулярные, но трезвомыслящие *anobium domesticum*, не могли поверить своим ушам. То, что яичко становится личинкой, личинка куколкой, а куколка взрослым насекомым, есть непреложный закон нашего мира; за окукливание винить нельзя. Но то, что, став взрослыми, наши родичи выбрали этот момент, именно этот момент, чтобы заявить о своих любовных намерениях, казалось почти невероятным. Мы находимся в море, нас окружают опасности, каждый день может стать роковым, а *xestobium rufo-villosum* не могут думать ни о чем, кроме секса. Возможно, это была невротическая реакция на страх вымирания или что-нибудь в этом духе. И все же...

В то время как наши безмозглые сородичи, охваченные эротическим пылом, тщетно пытались прогрызть стены своих убежищ, один из сыновей Ноя пришел поглядеть, что там за шум. На наше счастье, отпрыски «Адмирала» весьма слабо разбирались в животном мире, вверенном их попечению, и этот принял регулярные щелчки за потрескивание брусьев, из которых был построен корабль. Вскоре опять поднялся ветер, и *xestobium rufo-villosum* получили возможность спокойно продолжать свои излияния. Но этот случай побудил нас стать более осторожными. *Anobium domesticum* единогласно приняли решение не окукливаться до дня Высадки.

Надо сказать, что Ной был плохим моряком и в дождь, и в ведро. Его избрали за набожность, а не за навигационные таланты. Во время шторма от него было мало проку, да и в ясную погоду немногим больше. Как я могу об этом судить? Тут я снова полагаюсь на птиц – на птиц, которые способны проводить в полете по несколько недель кряду, на птиц, которые находят путь с одного конца планеты до другого благодаря столь совершенной навигационной системе, что ваши не идут с ней ни в какое сравнение. Так вот, по словам *птиц*, Ной абсолютно не сообщал, что делает, – он умел только бахвалиться да молиться. А ведь задача его была не так уж сложна, верно? Во время бури ему следовало беречь флотилию, уводя ее подальше от самых

свирых шквалов; а в тихую погоду он должен был следить, чтобы нас не отнесло слишком далеко от намеченного курса, иначе мы рисковали высадиться где-нибудь в непригодной для жизни Сахаре. Поставить Ноею в заслугу можно разве лишь то, что мы благополучно перенесли все штормы (хотя ему не надо было принимать в расчет рифы и линию побережья, что упрощало маневры), и то, что по окончании Потопа наш Ковчег не оказался посреди какого-нибудь огромного океана. Случись такое, и наше плавание затянулось бы Бог весть насколько.

Конечно, птицы предлагали Ною воспользоваться их умением; но для этого он был слишком горд. Он поручал им вести простую разведку – искать водовороты и смерчи – и игнорировал их уникальные способности. Еще он послал часть птиц на смерть, заставив их вылететь в страшную непогоду, от которой у них не было защиты. Когда Ной в девятибалльный шторм отправил на выяснение обстановки певчего гуся (эта птица действительно раздражала своим криком, особенно если вы пытались уснуть), качурка малая вызвалась заменить его. Но ее предложение было отвергнуто – и певчему гусю пришел конец.

Ну да, разумеется, были у Ноя и свои достоинства. Он умел выжить, и не только в условиях Путешествия. К тому же он знал секрет долголетия – это знание его потомки постепенно утратили. Но хорошим человеком он не был. Слышали вы о том, как он велел протащить осла под килем? Есть это в ваших архивах? Это случилось в Год Второй, когда царящие на корабле законы стали менее суровыми и избранным путешественникам разрешили общаться между собой. Так вот, Ной поймал осла, пытавшегося забраться на кобылу. Он поднял страшный шум, долго разорялся насчет того, что добра от такого союза не будет – между прочим, это подтверждает нашу догадку о его страхе перед скрещиваниями, – и сказал, что намерен проучить виновного, дабы другим было неповадно. Ослу связали копыта, перебросили его за борт, протянули под корпусом корабля и подняли из мечущихся волн с другой стороны. Большинство животных приписали это просто-напросто ревности на сексуальной почве. Удивило нас то, как осел перенес экзекуцию. Они поразительно выносливые, эти зверюги. Когда его вытащили на палубу, он был в ужасном виде. Его бедные длинные уши походили на осклизлые водоросли, а хвост – на обрывок промокшей веревки, и несколько зверей, которые к тому времени уже не слишком восхищались Ноем, окружили его, и козел – по-моему, это был он – мягко толкнул его в бок, чтобы посмотреть, жив ли он еще, и осел открыл один глаз, обвел им их взволнованные морды и сказал: «Теперь-то я знаю, каково быть тюленем». Неплохо после такого испытания? Но, должен вам сказать, вы едва не лишились тогда еще одного вида.

Я полагаю, не следует винить во всем только Ноя. Он ведь брал пример со своего Бога, а тот был настоящим деспотом. Ной не мог сделать ничего, не выяснив сначала, как *Он* на это посмотрит. Теперь-то, если будешь вести себя в таком духе, далеко не уедешь. Все время оглядываться через плечо и искать одобрения – уж очень это по-детски, верно? А ведь Ноя никак нельзя было назвать мальчиком. Ему перевалило за шестьсот, если считать по-вашему. Шестисот лет должны были породить некую гибкость ума, способность видеть обе стороны медали. Но ничего подобного. Вспомните хотя бы постройку Ковчега. Что сделал Ной? Он построил его из дерева *гофер*. Из дерева гофер? Даже Сим ему возражал, но нет – таково было его желание, и отступать он не собирался. То обстоятельство, что поблизости растет очень немного нужных деревьев, его не смущало. Ясно, что он всего лишь следовал инструкциям своего кумира; но это дела не меняет. Любой, кто знает толк в дереве – а я могу-таки считаться авторитетом в этом вопросе, – сказал бы Ною, что существует штук двадцать не менее, а то и более подходящих пород; к тому же, строить весь корабль из одного-единственного сорта древесины вообще глупо. Для разных частей корабля нужно выбирать материал соответственно их назначению; это известно всякому. Но таков уж был старый Ной – ни малейшей гибкости. Видел только одну сторону медали. Туалетные принадлежности из дерева гофер – ну не смешно ли?

Как я уже сказал, он действовал согласно приказу своего кумира. Что подумает Бог? Этот вопрос вечно был у него на устах. В такой преданности Богу было что-то зловещее; что-то

омерзительное, если можно так выразиться. Зато он не мучился сомнениями; и потом, стать Божиим избранником, уцелеть при всеобщей гибели, знать, что твой род будет на земле единственным, – это хоть кому вскружит голову, правда? Что до его сыновей – Хама, Сима и того, с именем на И, – им это явно не пошло на пользу. Расхаживали по палубе надутые, точно члены Королевской Семьи.

Знаете, я хочу до конца прояснить одну вещь. Насчет этой затеи с Ковчегом. Вы, возможно, до сих пор думаете, что Ной, при всех его недостатках, был в душе этаким хранителем старины, что он собрал животных, опасаясь их гибели, что он не мыслил себе дальнейшей жизни без какого-нибудь жирафа, что он сделал это ради *нас*. Отнюдь нет. Он взял нас с собой, потому что так повелел его кумир, но также и из собственных интересов достаточно циничного свойства. *После Потопа ему нужно было чем-то питаться*. За пять с половиной лет под водой большинство съедобных культур погибло; наводнение пошло на пользу только рису. Так что почти все мы знали, что Ной видит в нас лишь потенциальные обеды на двух, четырех или скольких там еще ногах. Не сейчас, так после; не мы, так наше потомство. Сами понимаете, это не слишком приятное чувство. На Ноевом ковчеге царила атмосфера паранойи и страха. Кто окажется следующим? Сегодня не понравишься жене Хама, а завтра вечером из тебя сделают фрикасе. Такая неопределенность может вызвать самые странные поступки. Помню, как у борта поймали пару леммингов, – они сказали, что хотят покончить с этим раз и навсегда, они не могут вынести ожидания. Но Сим успел вовремя изловить их и запер в ящике из-под какого-то груза. С тех пор, борясь со скукой, он частенько отодвигал крышку и помахивал над ними большим ножом. Просто шутил. Но я был бы очень удивлен, если б это не травмировало целый вид.

И конечно же, после Потопа Бог узаконил Ноевы обеденные права. В награду за покорство Ною было дозволено до скончания века есть тех из нас, кого душа пожелает. Все это было частью некоего пакта или завета, который они состряпали на пару. Довольно бессмысленный контракт, по моему разумению. В конце концов, стерев с лица земли всех прочих, Бог должен был худо-бедно ладить с единственной оставшейся семьей, правда? Не мог же он сказать: вы, мол, тоже никуда не годитесь. Ной, вероятно, понимал, что загнал Бога в угол (ведь устроить Потоп, а затем быть вынужденным угробить свое Первое Семейство значило бы потерпеть полное поражение), и мы считаем, что он ел бы нас в любом случае, независимо от договоренности. В этом так называемом завете не было ничего, нас касающегося, – кроме нашего смертного приговора. О да, нам кинули одну крошечную подачку: Ною и компании не велено было есть стельных самок. Лазейка, которая породила бурную нездоровую активность на Ковчеге, севшем на мель, и привела также к любопытным психологическим побочным эффектам. Вы никогда не задумывались о происхождении истерической беременности?

Эта тема напомнила мне об истории с Хамовой женой. Нас уверяли, что все это только слухи, но вам, должно быть, уже понятно, отчего подобные слухи могли возникнуть. Хамова жена была не самой популярной фигурой на Ковчеге; и потерю санитарного корабля, как я уже упоминал, многие отнесли на ее счет. Она все еще оставалась довольно привлекательной – ко времени Потопа ей, кажется, исполнилось сто пятьдесят, – но вместе с тем была упряма и вспыльчива. Бедняга Хам всегда пасовал перед ней. Дальше я сообщаю вам голые факты. У Хама и его жены было двое детей – то есть двое детей мужского пола, ибо так у них принято было считать, – и звали их Хуш и Мицраим. Третий их сын, Фут, родился на Ковчеге, а четвертый, Ханаан, – после Высадки. У Ноя и его жены были темные волосы и карие глаза; у Хама и его жены тоже; да и Сим, и Варади, и тот, с именем на И, в этом смысле не отличались от прочих. И у всех детей Сима, Варади и того, с именем на И, были темные волосы и карие глаза. И у Хуша, и у Мицраима, и у Ханаана. Но Фут, родившийся на Ковчеге, был рыжий. Рыжий, с зелеными глазами. Таковы факты.

С этого мига мы покидаем гавань фактов и выходим в открытое море слухов (так, между прочим, выражался Ной). Сам я на Хамовом ковчеге не был, поэтому лишь бесстрастно передаю известия, принесенные птицами. Помните случай с рабочим, который выдалбливал себе келейку на грузовом корабле? Так вот, рассказывали – хотя официального подтверждения мы не получили, – что при обследовании покоев Хамовой жены была обнаружена комнатка, о которой никто не знал. Она определенно отсутствовала в проекте. Хамова жена заявила, что для нее это полная неожиданность, однако, по слухам, там нашли ее нижнюю рубашку из шкуры яка – она висела на колышке, – а после придирчивого осмотра из щелей в полу были извлечены несколько рыжих волосков.

Вторая версия – я также передаю ее без комментариев – касается более деликатных материй, но поскольку она прямо затрагивает значительную часть представителей вашего вида, я вынужден продолжать. На борту Хамова ковчеге была пара обезьян необыкновенной красоты и изящества. Они были, по всем отзывам, очень умны, удивительно опрятны и обладали такой богатой мимикой, что казалось, вот-вот заговорят. А еще у них была волнистая рыжая шерсть и зеленые глаза. Нет, этого вида больше не существует; они не пережили Путешествия, и обстоятельства их гибели на борту корабля так и не удалось прояснить до конца. Якобы рухнула какая-то снасть... Но мы не переставали удивляться такому совпадению: надо же, чтобы упавшая снасть убила сразу двух зверей, отличавшихся завидной ловкостью.

Публичное объяснение звучало, конечно, совсем иначе. Не было никаких потайных комнаток. Не было никакого смешения видов. Снасть, убившая обезьян, была огромной и унесла также жизни пурпурной ондатры, двух карликовых страусов и пары плоскохвостых муравьедов. Необычная масть Фута была знаменем Божиим – хотя смысл его в ту пору лежал за пределами человеческого разума. Позже этот смысл прояснился: так Бог сообщал нам о том, что Путешествие перевалило за середину. Значит, Фут был благословенным ребенком; а посему вовсе не стоило тревожиться и искать виновных. Это провозгласил сам Ной. Бог явился ему во сне и велел не трогать мальчика; и Ной, будучи (как он не преминул отметить) праведником, выполнил его повеление.

Не стоит и говорить вам, что относительно этой истории звери сильно разошлись во мнениях. Млекопитающие, например, отказывались даже предположить, что рыжий зеленоглазый самец обезьяны мог быть физически близок с Хамовой женой. Конечно, чужая душа – потемки, но млекопитающие готовы были поклясться молоком своих матерей, что этого произойти не могло. Они слишком хорошо знали обезьяну-самца, говорили они, и его чистоплотность в личной жизни ни у кого не вызвала сомнений. Они намекали даже, что он был немножко сноб. А если допустить – только допустить, – что ему вдруг захотелось слегка поразвлечься, так разве нельзя было выбрать более привлекательную партнершу, чем Хамова жена? Например, одну из тех миловидных желтохвостых мартышек, которые уступят любому за горсть мускатных орешков?

Моим откровениям подходит конец. Я хотел – и вы должны понять меня, – чтобы они прозвучали по-дружески. Если вы считаете меня чересчур придирчивым, то это может быть вызвано – надеюсь, вы не обидитесь – вашим непобедимым пристрастием к догматизму. Вы верите тому, чему хотите верить, и не любите пересматривать свои взгляды. Это естественно – ведь у всех вас Ноевы гены. Без сомнения, этим объясняется и то, что вы так часто бываете поразительно нелюбопытны. Например, вы никогда не задавали себе такого вопроса о своей древнейшей истории: что случилось с вороном?

Когда Ковчег сел на верхушку горы (все это было, разумеется, посложнее, но о деталях я умолчу), Ной выпустил ворона и голубя, чтобы увидеть, сошла ли вода с лица земли. Далее, в принятой у вас версии ворону отводится очень малая роль; по-вашему, он просто летал туда-сюда без толку. С другой стороны, из трех полетов голубя сделали прямо-таки подвиг. Мы плачем, когда он не находит места покоя для своих ног; мы ликуем, когда он возвращается

на Ковчег с масличным листом. Позвольте же мне сообщить вам одно обстоятельство: ворон всегда утверждал, что это он нашел масличное дерево; что это *он* принес на Ковчег свежий лист; однако Ной решил, что «уместнее» сказать, будто это сделал голубь. Лично я склонен верить ворону, который, помимо всего прочего, летает гораздо лучше голубя; к тому же, заставить животных спорить между собой как раз в стиле Ноя (берущего, по обыкновению, пример со своего Бога). Ной распустил слух, будто ворон, вместо того чтобы поскорее вернуться с известием о спаде воды, уклонился от своего долга; кто-то якобы видел (но кто же? даже верноподданнически настроенный голубь не унизился бы до подобной клеветы), как он лакомился падалью. Вряд ли стоит добавлять, что ворон был глубоко оскорблен этим мгновенным переписыванием истории; говорят – я повторяю слова тех, у кого уши лучше моих, – что в его голосе и по сию пору слышна хрипкая нотка неудовлетворенности. Голубь же, наоборот, после Высадки стал ворковать необыкновенно самодовольно. Он словно уже видел свои будущие изображения на почтовых марках и фирменных бланках.

Прежде чем спустить сходни, «Адмирал» обратился к зверям на своем Ковчеге; его речь была передана и на другие суда. Он благодарил нас за сотрудничество, извинялся за имевшие место временные сокращения рациона и обещал, что, поскольку все мы выполнили свои обязательства, он постарается добиться в дальнейших переговорах с Богом наилучшего *quid pro quo*¹. Услышав это, некоторые из нас с сомнением усмехнулись: мы помнили о том, как обошлись с ослом, о потере санитарного корабля, о политике истребления гибридов, о смерти единорога... Для нас было очевидно: Ной хочет прикинуться таким своим парнем только потому, что понимает, как поступит всякое здравомыслящее животное, едва ступив на землю; он понимает, что мы сразу разбежимся по лесам и полям. Ной, понятно, хотел уломать нас остаться поблизости от своего Нового Дворца, о строительстве которого не преминул тут же и объявить. Среди обещанных удобств были бесплатная вода для животных и подкормка в суровое зимнее время. Он явно боялся, что мясная пища, к которой он привык на Ковчеге, покинет его со всей прытью, на которую только способны ее две, четыре или сколько там еще ног, а Ноеву семейству придется опять сесть на ягоды и орехи. Как это ни удивительно, нашлись звери, посчитавшие предложение Ноя разумным; в конце концов, говорили они, не съест же он нас всех, он наверняка будет отбирать больных и старых. Так что некоторые – надо сказать, не самые умные – остались ждать, пока не построят Дворец и вода не потечет, словно вино. Свиньи, коровы, овцы, козы (те, что поглупее), куры... Мы предупреждали их; по крайней мере, пытались. Мы не раз насмешливо бормотали себе под нос: «На варку или на жарку?» – но безрезультатно. Как я уже сказал, умом они не вышли и, видимо, побаивались возвращаться к дикой жизни; они впали в зависимость от своей тюрьмы и от своего тюремщика. Что ж, через несколько поколений, как и следовало ожидать, они превратились в собственные тени. Сегоднешние свиньи и овцы – это какие-то зомби по сравнению со своими здоровыми, жизнерадостными предками времен Потопа. Из них выколотили всю начинку. А некоторые, подобно индейке, подверглись дальнейшему унижению – прежде чем варить или жарить, их начинают вновь.

И чего же, по сути, добился Ной, заключив свой знаменитый Постпотопный договор с Богом? Что получил он в обмен на преданность своей семье и принесенные ею жертвы (не говоря уж о более значительных жертвах, принесенных животным миром)? Бог сказал – и это в наивыгоднейшей интерпретации самого Ноя, – что Он обещает не насыпать второго Потопа и в знак этого намерения создает для нас радугу. Радугу! Ха! Конечно, на нее бывает приятно посмотреть, и та первая, что он сотворил для нас, – переливчатый полукруг и рядом его двойник побледнее, сверкающие в индиговом небе, – действительно заставила многих на пастбище поднять голову. Вы понимаете, каков был Божий замысел: всякий раз, когда дождь начинал

¹ Здесь: выгоды (лат.). (Здесь и далее – примеч. перев.)

неохотно уступать солнцу, эта эффектная дуга должна была напоминать нам, что он не будет долго и не перейдет в Потоп. Пусть так – но все равно проку от радуги немного. А как насчет ее юридического статуса? Попробуйте заставить радугу отвечать перед судом.

Звери посообразительнее раскусили, что кроется за Ноевым обещанием половинного пайка; они ушли в поля и леса, положившись на собственное умение находить воду и пищу зимой. Северные олени, нельзя этого не отметить, оказались среди них чуть ли не первыми – они рванули прочь от «Адмирала» и всех его будущих потомков, унося с собой свои загадочные предчувствия. Между прочим, вы правы, считая сбежавших животных – по Ною, неблагодарных предателей – более благородными. Может ли быть благородной свинья? Или овца? Или курица? А поглядели бы вы на единорога... Это было еще одним неприятным пассажем из обращения Ноя к животным, которые после Высадки медлили у его ограды. Якобы, дав нам радугу, Бог фактически пообещал, что мы не будем испытывать недостатка в чудесах. Мне слышится в этом откровенный намек на десятки первоначально сотворенных чудес, которые в ходе Путешествия сгинули за бортом Ноевых кораблей или в желудках его семейства. Радуга взамен единорога? А почему бы не возродить самого единорога? Нас, животных, это осчастливило бы больше, чем кричащий символ Божьего великодушия, всякий раз появляющийся на небе к концу дождя.

По-моему, я уже говорил вам, что выбраться с Ковчега было не проще, чем попасть на него. Увы, среди зверей-избранников имелись штрейкбрехеры, поэтому о том, чтобы Ной просто соскочил на землю с ликующим криком, не могло быть и речи. Каждое животное подвергали перед освобождением тщательному обыску; кое-кого даже погружали в чаны с водой, пахнувшей дегтем. Несколько самок разных видов жаловались на то, что их заставили пройти осмотр внутренних органов; этим занимался Сим. Безбилетников было обнаружено довольно мало: некоторые из самых заметных жуков, пяток крыс, неосторожно отъевшихся за время Путешествия, даже одна-другая змея. Мы спаслись – думаю, из этого уже не стоит делать тайну, – в полном кончике бараньего рога. Наш баран был большим, угрюмым, непокорным животным, чью дружбу мы намеренно завоевывали в течение последних трех лет. Он не уважал Ноя и был только рад, что помог нам надуть его при Высадке.

Когда мы всемером выбрались из бараньего рога, нас охватил восторг. Мы уцелели. Мы пробрались на корабль, уцелели и сбежали – причем без всяких сомнительных заветов с Богом или Ноем. Мы сделали все это сами. Мы чувствовали, что облагородили свой вид. Это может показаться вам смешным, но так оно и было: мы чувствовали себя облагороженными. Путешествие научило нас многому; а главное, тому, что человек по сравнению с животными – существо недоразвитое. Мы, конечно, не отрицаем вашей смысленности, вашего значительного потенциала. Но вы пока еще находитесь на ранней стадии развития. *Мы*, например, всегда остаемся самими собой: вот что значит быть развитыми. Мы такие, какие есть, и мы знаем, кто мы такие. Вы же не станете ждать от кошки, чтобы она залаяла, или от свиньи – чтобы она замычала? Но именно этого, выражаясь фигурально, мы научились ожидать от представителей вашего вида. То вы лааете, то мяукаете; то вы хотите быть дикими, а то – ручными. О поведении Ноя можно было сказать только одно: мы никогда не знали, как он себя поведет.

К тому же, представители вашего вида не очень-то любят правду. Вы о многом забываете или прикидываетесь, что забыли. Потеря Варади и его ковчега – разве кто-нибудь говорит о ней? Я думаю, в этой привычке сознательно закрывать на многое глаза есть и положительная сторона: когда игнорируешь плохое, легче живется. Но, игнорируя плохое, вы в конце концов начинаете верить, будто плохого не бывает вовсе. А потом удивляетесь. Удивляетесь тому, что ружья убивают, что деньги развращают, что зимой падает снег. Такая наивность обаятельна; но, увы, она еще и опасна.

Например, вы никогда не увидите в истинном свете Ноя, вашего праотца, – набожного патриарха, убежденного ревнителя старины. Кажется, одна из ваших ранних еврейских легенд

говорит, будто Ной и открыл секрет алкоголя, наткнувшись на козла, хмельного от перебродившего винограда. Какая бесстыдная попытка переложить ответственность на животных; и это, как ни грустно, делается по привычной схеме. В Грехопадении виноват змей, честный ворон – обжора и лодырь, козел превратил Ноя в алкаша. Но можете мне поверить: чтобы открыть тайну виноградной лозы, Ной не нуждался в услугах парнокопытных.

Вы всегда первым делом вините других; а если винить больше некого, вы начинаете утверждать, что проблемы вовсе не существует. Меняете правила, сдвигаете стойки ворот. Кое-кто из ученых, посвятивших жизнь вашим священным книгам, даже пытался доказать, будто Ной с Ковчега и Ной, которому приписывают пьянство и неприличную наготу, вообще разные люди. Мог ли пьянчуга быть избранником Божьим? Ну ясное дело, нет. Ной, да не мой. Типичная ошибка в установлении личности. Проблема снята.

Мог ли пьянчуга быть избранником Божьим? Я уже объяснял вам – его избрали, потому что прочие кандидаты были во сто крат хуже. Куда ни кинь – всюду клин. А что касается его пьянства, скажу честно: до ручки-то он дошел благодаря Путешествию. Конечно, старый Ной и прежде любил побаловать себя рогом-другим винца; а кто этим брезговал? Но законченным алкоголиком его сделало Путешествие. Он просто не вынес этого бремени. Он плохо справлялся с управлением, он потерял четыре корабля из восьми и около трети доверенных ему видов – да если б только нашлись судьи, его отдали бы под трибунал. И несмотря на все свое хвастовство, он знал, что виноват в гибели половины Ковчега. Чувство вины, инфантильность, постоянная борьба за то, чтобы удержаться на чересчур высоком пьедестале, – это тяжелое сочетание, которое столь же плачевно влияет на большинство представителей вашего вида. Я полагаю, вы могли бы даже заключить, что к пьянству Ноя подтолкнул Бог. Потому что ваши ученые так ловчат, так стараются отделить первого Ноя от второго: иначе напрашиваются неприятные выводы. Но история «второго» Ноя – пьянство, непристойное поведение, суровая кара, наложенная на непочтительного сына, – эта самая история отнюдь не удивляет тех из нас, кто знал «первого» Ноя на Ковчеге. Боюсь, что тут мы имеем дело с печальным, но закономерным итогом прогрессирующего алкоголизма.

Как я уже говорил, мы были очень рады покинуть Ковчег. Помимо всего прочего, мы наелись дерева гофер на всю жизнь. Это еще один повод для сожаления о Ноевом фанатизме при постройке флота: прояви он большую гибкость, мы могли бы питаться разнообразнее. Конечно, он вряд ли принял бы это в расчет, ведь брать нас на корабль никто не собирался. А спустя несколько тысячелетий наше исключение из числа счастливчиков кажется еще более несправедливым. Нас, безбилетников, было семеро, но если бы наш вид попал в списки избранных, билеты получили бы только двое; и мы смирились бы с таким решением. И пусть Ной не знал, сколько продлится Потоп, это его не оправдывает: ведь даже всемером мы съели за пять с половиной лет так мало, что вполне стоило рискнуть и взять парочку из нас на борт. Да и вообще, разве преступление быть личинками древоточца?

2. Гости

Франклин Хьюз прибыл на борт часом раньше, чтобы успеть выказать дружеское расположение тем, кто мог облегчить ему работу в ближайшие двадцать дней. Теперь он стоял, облокотившись на поручни, и наблюдал, как пассажиры поднимаются по сходне; в основном это были среднего возраста и пожилые пары, несущие на себе явный отпечаток национальности, хотя кое-кто из них, более стандартного вида, ненадолго сохранял лукавую анонимность происхождения. Франклин, рука которого в легком, но несомненном полуобъятии покоилась на плече его спутницы, играл в свою ежегодную игру – угадывал, откуда набрана его аудитория. Американцев узнать было легче всего: мужчины в характерных для Нового Света прогулочных костюмах пастельных тонов, их жены, нимало не смущенные своими колышущимися животами. Англичан – тоже легко: мужчины в старосветских твидовых куртках, надетых поверх желто-коричневых или бежевых рубашек с коротким рукавом, женщины с крепкими коленями, готовые взобраться пешком на любую гору, едва учуяв греческий храм. Были две канадские пары – на их панاماх красовался знаменитый кленовый лист; четверка поджарых белоголовых шведов; несколько робких французов и итальянцев, которых Франклин определил, коротко пробормотав «*baguette*»² или «*macaroni*»; и шестеро японцев, опровергнувших свой стереотип полным отсутствием фотоснаряжения. За вычетом двух-трех семейных групп и случайного англичанина-одиночки эстетского вида все они поднимались на борт покорными парами.

– Каждой твари по паре, – прокомментировал Франклин.

Это был высокий плотный человек лет сорока пяти со светло-золотыми волосами и красноватым лицом, что завистливые приписывали склонности к крепким напиткам, а доброжелательные – избытку солнца; такие люди кажутся вам знакомыми, и вы как-то не задаетесь вопросом, симпатичны они или нет. Его спутница, или ассистентка – против того, чтобы именовать секретаршей, она решительно возражала, – стройная смуглая девушка, демонстрировала одежду, специально купленную для круиза. На Франклине же, который культивировал образ стреляного воробья, была длинная походная куртка и мятые джинсы. Хотя кое-кто из пассажиров счел бы такой наряд не совсем подходящим для известного лектора на выезде, он максимально отвечал намерению Франклина подчеркнуть свое собственное происхождение. Будь он американским ученым, он, наверное, раздобыл бы легкий полосатый костюм; будь британцем, возможно, остановил бы выбор на глаженной полотняной куртке кремового цвета. Но слава Франклина (пожалуй, не столь громкая, как ему представлялось) пошла с телевидения. Он начинал рупором чужих мнений – приятный юноша в вельветовом костюме, умевший говорить о культуре, не отпугивая слушателей. Спустя какое-то время он подумал: если у него получается болтать на эти темы, то почему бы не попробовать и писать. Поначалу это был лишь «дополнительный материал Франклина Хьюза», потом ему стали доверять соавторство, а конечным достижением явилось безраздельное «написано и представлено Франклином Хьюзом». Точно определить область его специализации не смог бы никто, но в сферах археологии и сравнительного анализа культур он чувствовал себя вполне свободно. Его любимым приемом были современные аллюзии, долженствующие спасти и оживить для среднего зрителя такие мертвые предметы, как переход Ганнибала через Альпы, или клады викингов в Восточной Англии, или дворцы Ирода. «Ганнибаловы слоны были танковыми дивизиями своего времени», – заявлял он, размашисто шагая по чужеземным холмам; или: «Это примерно столько же пехотинцев, сколько вместил бы стадион Уэмбли в день финала Кубка»; или: «Ирод был не только тираном, объединившим страну, но еще и покровителем искусств; возможно, его следует представлять себе как такого Муссолини с хорошим вкусом».

² Французский батон.

Телевизионная слава Франклина вскоре принесла ему вторую жену, а через пару лет – второй развод. В настоящее время его контракты с «Турне Афродиты По Знаменитым Местам» всегда предусматривали наличие каюты для ассистентки; команда «Санта Юфимии» с восхищением отмечала, что ассистентки, как правило, не продерживаются до следующего рейса. Франклин был щедр со стюардами и нравился людям, которые не пожалели тыщонки-другой фунтов на эти двадцать дней. У него было обаятельное свойство так увлекаться излюбленными отступлениями от темы, что потом, умолкнув, он озирался кругом с недоуменной улыбкой, словно позабыв, где находится. Многие пассажиры говорили между собой об очевидной любви Франклина к своей работе, о том, как это приятно в наш циничный век, и о том, что благодаря ему история и впрямь оживает перед ними. Если его куртка не всегда бывала застегнута на все пуговицы, а на рабочих штанах порой виднелись следы от омара, это лишь подтверждало его горячую приверженность делу. Одежда Франклина подчеркивала замечательную демократичность нынешнего образования: чтобы разбираться в греческой архитектуре, вовсе не надо быть надутым профессором в стоячем воротничке.

– Вечер Знакомств в восемь, – сказал Франклин. – Пойду-ка я поработаю пару часиков, чтоб завтра утром выглядеть прилично.

– Ты же повторял это выступление много раз? – Триция слабо надеялась, что он останется с ней на палубе, когда они будут выходить в Венецианский залив.

– Стараюсь менять каждый год. Иначе становишься однообразным. – Он легонько тронул ее за руку и пошел вниз.

На самом деле его вступительная речь завтра в десять должна была быть точно такой же, как и в предыдущие пять лет. Единственное отличие – единственное нововведение, спасающее Франклина от однообразия, – состояло в том, что там будет Триция вместо... как же звали ту последнюю девушку? Но он любил создавать иллюзию подготовки своих лекций заранее, и он спокойно мог отказаться от удовольствия в очередной раз наблюдать отплытие из Венеции. Она и через год никуда не денется, разве что еще на сантиметр-другой уйдет в воду да розовая ее физиономия еще чуток обшелушится, как у него.

Стоя на палубе, Триция глядела на город, пока колокольня Святого Марка не превратилась в огрызок карандаша. С Франклином они познакомились месяца два назад – тогда он выступал в телепередаче, где на третьих ролях участвовала и она. Они спали вместе несколько раз, пока немного. Девушкам из своей квартиры она сказала, что уезжает со школьным другом; если все пойдет хорошо, она откроет правду, но сейчас Триция опасалась сглазить. Франклин Хьюз! И до сих пор он был по-настоящему внимателен, даже позаботился надеть ей кое-какими номинальными обязанностями, чтобы уж ей не выглядеть просто подружкой. Очень многие на телевидении казались ей чуточку фальшивыми – обаятельными, но не совсем честными. Франклин был в жизни такой же, как на экране: открытый, веселый, готовый поделиться с тобой своими знаниями. Ему можно было верить. Телевизионные критики подшучивали над его одеждой и пучком волос на груди, где расходилась рубашка, а иногда и над тем, что он говорил, но это была обыкновенная зависть – пусть бы они попробовали выйти на публику и выступать, как Франклин, посмотрела бы она на них! Сделать так, чтобы это выглядело естественно, объяснил он ей за их первым совместным завтраком, вот что самое трудное. Другой секрет в телевидении, сказал он, это знать, когда умолкнуть и предоставить картинкам работать за тебя – «надо нащупать тот тонкий баланс между словом и изображением». Про себя Франклин надеялся на высшую честь: «Сценарий, текст и постановка Франклина Хьюза». В мечтах он иногда проигрывал съемку гигантской пешей экскурсии по Форуму, от арки Септимия Севера до храма Весты. Вот только не мог решить, куда девать камеру.

Первый этап путешествия, на юг по Адриатике, прошел, в общем-то, как всегда. Был Вечер Знакомств, где команда оценивала пассажиров, а пассажиры осторожно присматривались друг к другу; была вводная лекция Франклина, на которой он польстил аудитории, энер-

гично открестился от своей телевизионной славы и заметил, как приятно обращаться к обычным людям, а не к стеклянному глазу и оператору с его окриками: «Маковку в кадр, а ну еще разок, лапка!» (техническая подробность должна была остаться непонятой большинством слушателей, на что и рассчитывал Франклин: пусть себе относятся к ТВ чуть свысока, но не думают, будто это занятие для идиотов); а потом была еще одна вводная лекция Франклина, столь же необходимая, в которой он объяснил своей ассистентке, что главная их задача – хорошо провести время. Понятно, ему надо работать – будут периоды, когда ему скрепя сердце придется торчать в каюте со своими записями, – но вообще им стоит смотреть на это как на двухнедельные каникулы вдали от паршивой английской погоды и всех этих нападков исподтишка в телецентре. Триция кивнула, соглашаясь, хотя как начинающая она еще не сталкивалась ни с какими нападками и, уж конечно, не была их объектом. Более умудренная опытом девица, разумеется, поняла бы, что Франклин хочет сказать: «Не жди от меня ничего, кроме этого». Триция, будучи безмятежной оптимисткой, перевела его маленькую речь помягче: «Давай не будем торопиться с радужными надеждами», что, надо отдать ему должное, примерно и имел в виду Франклин. Он слегка влюблялся по несколько раз в году – свойство характера, на которое иногда сетовал, но которое неизменно себе извинял. Тем не менее он был вовсе не бессердечен и как только замечал, что становится нужен девушке – особенно милой – больше, чем она ему, на него волной накатывали ужасные предчувствия. Эта бестолковая паника обычно заставляла его сделать одно из двух предположений – либо что девушка придет к нему жить, либо что она уйдет из его жизни, – которые пугали его в равной степени. Поэтому его приветственное слово в адрес Джинни, или Кэти, или, на сей раз, Триции диктовалось скорее осторожностью, нежели цинизмом, хотя по мере постепенного расстройств отношений Джинни, или Кэти, или, на сей раз, Триция вполне могла счесть его более предусмотрительным, чем на самом деле.

Та же осторожность, чей тихий настойчивый призыв постоянно слышался ему в многочисленных известиях о кровавых боях, заставила Франклина Хьюза приобрести ирландский паспорт. Мир больше не был полон гостеприимных уголков, где старая добрая британская ксива темно-синего цвета, увенчанная словами «корреспондент» и «Би-би-си», могла доставить вам все, чего захотите. «Министр Ее Британского Величества, – Франклин до сих пор помнил эти слова наизусть, – от имени Ее Величества просит и требует, чтобы все, кого это касается, обеспечивали владельцу сего необходимое содействие и защиту». Благое пожелание. Теперь Франклин предъявлял в своих путешествиях зеленый ирландский паспорт с золотой арфой на обложке, каждый раз чувствуя себя при этом каким-то опустившимся любителем «Гиннеса». Внутри, в большей частью правдивой автохарактеристике Хьюза, отсутствовало и слово «корреспондент». На свете были страны, где не слишком привечали корреспондентов и где считали, что все люди, якобы интересующиеся археологическими раскопками, – британские шпионы. Менее компрометирующее «писатель» выполняло также роль стимула. Если Франклин обозначил себя писателем, это должно было подтолкнуть его стать таковым. Следующий год определенно предоставлял шанс для популярной книжонки; а кроме того, он подумывал кое о чем серьезном, но с эротической окраской – вроде собственной истории мира, которая могла бы месяцами держаться в списке бестселлеров.

«Санта-Юфимия» была не новым, но комфортабельным кораблем с вежливым капитаном-итальянцем и командой из ловких греков. Публика в этих «Турне Афродиты» подбиралась заранее известная, пестрая по национальному составу, но однородная по вкусам. Люди того сорта, что спортивным играм на палубе предпочитают чтение, а музыке диско в баре – солнечные ванны. Они всюду ходили за лектором, почти не пропускали дополнительных экскурсий и игнорировали соломенных осликов в магазинах сувениров. Они не заводили романов, хотя струнное трио иногда вдохновляло их на старомодные танцы. Они по очереди сжижвали за капитанским столиком, бывали изобретательны, когда затевался маскарадный вечер, и

прилежно прочитывали судовую газету с маршрутом сегодняшнего дня, поздравлениями именинникам и обычными новостями с Европейского континента.

Такая атмосфера казалась Триции немножко вялой, но то была хорошо организованная вялость. Словно обращаясь к своей ассистентке, Франклин подчеркнул во вступительной лекции, что главная цель турне – отдохнуть и расслабиться. Он тактично намекнул, что люди интересуются классической древностью в разной степени и что он, со своей стороны, не намерен вести журнал посещаемости и метить прогульщиков черным крестиком. С присущим ему обаянием Франклин признался, что даже он способен устать от очередного ряда коринфских колонн, белеющих на фоне безоблачного неба; однако сделал это так, что пассажиры могли усомниться в его искренности.

Охвосток северной зимы остался позади, и корабль с умиротворенными пассажирами неторопливо вошел в мягкую средиземноморскую весну. Твидовые куртки уступили место полотняным, брючные костюмы – открытым летним одеяниям, слегка устарелым. По Коринфскому каналу плыли ночью; пассажиры в неглиже прилипли к иллюминаторам, а самые отважные стояли на палубе, время от времени безуспешно пытаясь разогнать тьму вспышками своих фотоаппаратов. Из Ионического моря в Эгейское; у Киклад чуть занепогодилось и посвежело, но все отнеслись к этому спокойно. На берег сходили на изысканном Миконосе, где пожилой директор школы подвернул лодыжку, пробираясь среди руин; на мраморном Паросе и огнедышащей Тире. Ко времени остановки на Родосе десять дней круиза уже миновали. Пока пассажиры гуляли по берегу, «Санта-Юфимия» приняла на борт топливо, овощи, мясо и дополнительный запас вин. Еще она приняла на борт гостей, хотя выяснилось это только на следующее утро.

Они шли по направлению к Криту, и в одиннадцать часов Франклин начал обычную лекцию о Кноссе и минойской цивилизации. Надо было быть поосторожнее, так как его аудитория, похоже, кое-что знала о Кноссе, а некоторые могли иметь и свои собственные теории. Франклин любил, когда ему задавали вопросы; он не возражал, когда кто-нибудь делал мало-вразумительные или даже точные добавления к его рассказу, – в таких случаях он благодарил человека вежливым кивком и невнятным «герр профессор», как бы намекая, что одним из нас свойствен широкий взгляд на вещи, другие же – и это тоже прекрасно – любят забивать себе голову не слишком существенными деталями; но кого Франклин не переносил, так это зануд, которым не терпелось проверить на лекторе свои любимые идеи. Простите, мистер Хьюз, я вижу в этом что-то египетское – разве мы можем быть уверены, что это строили не египтяне? А вы не считаете, что Гомер писал в ту эпоху, к какой относит его (легкий смешок) – или ее сочинения народ? Я не эксперт по данному вопросу, но очевидно, что разумнее всего было бы предположить... Всегда попадался хотя бы один такой, который разыгрывал из себя пытливого и здравомыслящего любителя; отнюдь не обманутый общепринятым мнением, он – или она – знал, что историки часто блефуют и что сложные проблемы лучше всего решать с помощью вдохновения и интуиции, не обременяя себя конкретными знаниями и исследовательской работой. «Ваша трактовка очень интересна, мистер Хьюз, но очевидно, что логичнее было бы...» Франклину иногда хотелось заметить (однако он никогда этого не делал), что подобные смелые догадки о ранних цивилизациях частенько кажутся ему основанными на голливудских эпопеях с Кёрком Дугласом и Бёртом Ланкастером в главной роли. Он представлял себе, как выслушает одного из таких умников и с иронией ответит ему: «Вы, конечно, понимаете, что фильм „Бен Гур“ нельзя считать *абсолютно* надежным источником?» Но не в этом плавании. И вообще, лучше подождать до тех пор, пока он не уверится, что очередное его плавание – последнее и контракт возобновлен не будет. Тогда он позволит себе немного расслабиться. Он станет откровеннее со своими слушателями, менее осторожен в отношении спиртного, более восприимчив к брошенному украдкой взгляду.

Гости опоздали на лекцию Франклина Хьюза о Кноссе, и он уже закончил ту часть, в которой изображал собой сэра Артура Эванса, когда они открыли двойные двери и выстрелили в потолок – правда, только один раз. Франклин, все еще с головой погруженный в собственный спектакль, пробормотал: «Переведите, пожалуйста», но этой старой шутки оказалось недостаточно, чтобы вновь привлечь внимание пассажиров. Они уже забыли о Кноссе и следили глазами за высоким человеком с усами и в очках, который направлялся к Франклину, чтобы занять его место за пюпитром. В обычных условиях Франклин отдал бы ему микрофон, предварительно вежливо спросив документы. Но поскольку в руках у человека был большой автомат, а на голове – один из тех тюрбанов в красную клетку, которые прежде были отличительным признаком симпатичных воинов-пустынников, верных Лоренсу Аравийскому, а в последние годы стали отличительным признаком злобных террористов, охочих до пролития невинной крови, Франклин сделал простой жест, показывая, что уступает, и сел на стул.

Его аудитория – как он еще подумал о ней в кратком приливе собственнических чувств – затихла. Все избегали неосторожных движений; все старались дышать бесшумно. Гостей было трое, и двое из них встали у дверей в лекционный зал. Высокий в очках, на миг превратясь едва ли не в ученого, постучал по микрофону, как делают лекторы во всем мире: отчасти чтобы проверить, работает ли техника, отчасти чтобы привлечь к себе внимание. В данном случае второе вряд ли было необходимо.

– Приношу извинения за беспокойство, – начал он, испустив один-два нервных смеха. – Но боюсь, ваш отдых на некоторое время придется прервать. Надеюсь, что ненадолго. Все вы останетесь здесь, на своих местах, пока мы не скажем вам, что делать.

Где-то в глубине зала прозвучал сердитый голос одного из американцев:

– Кто вы такие и какого черта вам надо?

Араб подался назад к только что оставленному микрофону и с презрительной вежливостью дипломата сказал:

– Простите, но в данной ситуации я не намерен отвечать на вопросы. – Затем, видимо, чтобы его не спутали с дипломатом, решил продолжить: – Мы не из тех, кто прибегает к насилию без необходимости. Однако когда я стрелял в потолок, желая привлечь ваше внимание, я поставил вот эту маленькую защелку в положение, при котором автомат стреляет одиночными выстрелами. Если ее передвинуть, – он показал как, приподняв оружие над головой, словно военный инструктор перед абсолютно неопытными новичками, – автомат будет стрелять, пока не опустеет магазин. Надеюсь, это понятно.

Араб вышел из зала. Никто ничего не предпринимал; кое-где шмыгали носом и всхлипывали, но в общем было тихо. Франклин глянул через зал в дальний левый угол, где находилась Триция. Его ассистенткам дозволялось посещать лекции, но только не сидеть прямо перед ним – «А то мне в голову лезет всякая ерунда». Вид у нее был спокойный; похоже, она считала, что все обойдется. Франклин хотел сказать: «Послушай, со мной никогда такого не бывало, это ненормально, я не знаю, что делать», но ограничился лишь неопределенным кивком. После десяти минут напряженной тишины американка лет пятидесяти пяти поднялась со своего места. Один из двоих охранников у двери сразу прикрикнул на нее. Она не отреагировала на это, так же как на шепот и цепляющуюся за нее руку мужа. Она подошла к боевикам по центральному проходу, остановилась в нескольких шагах от них и произнесла четким, медленным голосом, в котором звучал готовый выхлестнуться ужас:

– Мне надо в уборную, слышите?

Арабы не ответили и не посмотрели ей в глаза. Они лишь сделали своими автоматами короткое движение, со всей возможной ясностью говорящее, что сейчас она представляет собой большую мишень и что всякая настойчивость с ее стороны подтвердит этот факт самым убедительным и роковым образом. Она повернулась, снова ушла на свое место и заплакала. Тут

же зарыдала другая женщина в правой половине зала. Франклин опять взглянул на Трицию, кивнул, поднялся на ноги, умышленно не глядя на двоих охранников, и подошел к пюпитру.

– Как я уже говорил... – Он авторитетно прокашлялся, и все взоры обратились к нему. – Я уже говорил, что Кносский дворец отнюдь не является памятником первого человеческого поселения в этом районе. Слои, которые мы называем минойскими, залегают на глубине до семнадцати футов, но самые ранние следы человеческого обитания находятся на глубине в двадцать шесть футов или около того. К моменту закладки первого камня дворца люди жили на этом месте уже по меньшей мере десять тысяч лет...

Продолжить прерванную лекцию казалось естественным. Чувствовалось также, что Франклина теперь выделяет из других некое оперенье лидера. Он решил, для начала вскользя, подтвердить свое право на это. Понимают ли охранники по-английски? Возможно. Были они когда-нибудь в Кноссе? Вряд ли. И Франклин, описывая зал дворцовых собраний, придумал большую глиняную табличку, которая, заявил он, вероятно, висела над гипсовым тронem. Там было написано – в этот момент он поглядел на арабов – «Мы живем в трудные времена». Продолжая рассказ о дворце, он раскопал и другие таблички с надписями, многие из которых, как он стал уже бесстрашно подчеркивать, имели универсальный смысл. «Ни в коем случае нельзя поступать опрометчиво», – гласила одна. Другая: «Пустые угрозы бесполезны, как пустые ножны». Третья: «Тигр всегда медлит перед прыжком». (Хьюз мельком подумал, знала ли минойская цивилизация тигров.) Он не был уверен, что все слушатели раскусили его хитрость, но в зале то там, то тут раздавалось одобрительное ворчание. Любопытно, что он и сам получал от этой игры удовольствие. Он завершил свой обход дворца надписью, весьма нетипичной для минойцев: «Там, где садится солнце, есть великая сила, и она оградит нас от бед». Потом сгреб свои бумажки и сел под более теплые, чем обычно, аплодисменты. Поглядел на Трицию и подмигнул ей. В глазах у нее блеснули слезы. Он посмотрел на арабов и подумал, вот вам, теперь видите, из какого мы теста, мы еще за себя постоим. Он даже пожалел, что не ввернул какого-нибудь афоризма насчет людей с красными полотенцами на головах, но признался себе, что у него не хватило бы храбрости. Прибережет его на потом, когда все кончится.

Они прождали еще полчаса в пахнущей мочой тишине; затем вернулся главарь террористов. Он перекинулся парой слов с охранниками и подошел к пюпитру.

– Значит, вы тут прослушали лекцию о Кносском дворце, – начал он, и Франклин почувствовал, что у него вспотели ладони. – Это славно. Вам не мешает разбираться в других цивилизациях. Понимать, как они достигали величия и как, – он сделал многозначительную паузу, – они рушились. Я очень надеюсь, что ваше путешествие в Кносс будет приятным.

Он уже отходил от микрофона, когда раздался голос того же американца, на сей раз более миролюбивый, точно подействовали минойские таблички:

– Простите, не будете ли вы так любезны в двух словах сказать нам, кто вы и чего вы хотите?

Араб улыбнулся.

– По-моему, сейчас не время для объяснений. – Он кивнул, давая понять, что закончил, потом помедлил, словно вежливый вопрос по меньшей мере заслуживал вежливого ответа. – Скажем так. Если все пойдет согласно плану, вы вскоре сможете продолжить свое изучение минойской цивилизации. Мы исчезнем так же, как появились, и вам будет казаться, что вы видели нас всего лишь во сне. Потом вы о нас забудете. Останется только память о небольшой задержке. Поэтому вам ни к чему знать, кто мы такие, или откуда мы, или что нам нужно.

Он уже сходил с низкого подиума, как вдруг Франклин неожиданно для себя самого произнес:

– Извините.

Араб обернулся:

– Хватит вопросов.

– Это не вопрос, – сказал Франклин. – Я только подумал... Конечно, у вас есть дела поважнее... но если нам придется остаться здесь, то вы могли бы разрешить нам ходить в уборную. – (Главарь террористов нахмурился.) – В сортир, – пояснил Франклин; потом снова: – В туалет.

– Разумеется. Вам будет позволено ходить в туалет, когда мы переведем вас.

– А когда это случится? – Франклин почувствовал, что немного увлекся добровольно взятой на себя ролью. Араб, со своей стороны, тоже заметил некую недопустимую вольность тона. Он грубо ответил:

– Когда надо будет.

Он ушел. Через десять минут появился араб, которого они еще не видели, и пошептал Хьюзу на ухо. Тот поднялся.

– Нас хотят перевести отсюда в столовую. Мы пойдем парами. Занимающим одну каюту следует сказать об этом. Нас отведут в наши каюты, и там можно будет сходить в уборную. Еще мы должны будем взять из кают паспорта, но ничего больше. – (Араб зашептал снова.) – Да, запирается в уборной нельзя. – От себя Франклин добавил: – По-моему, эти люди настроены весьма серьезно. По-моему, нам не стоит делать ничего такого, что может им не понравиться.

Пассажиров мог сопровождать лишь один охранник, и вся процедура заняла несколько часов. Когда Франклина и Трицию вели на нижнюю палубу, он сказал ей небрежно, будто о погоде:

– Сними кольцо с правой руки и надень туда, где носят обручальное. Камнем внутрь, чтобы его не было видно. Только не сейчас, а когда пойдешь пописать.

В столовой, куда они наконец попали, их паспорта проверял пятый араб. Трицию отправили в дальний конец, где в одном углу сидели англичане, а в другом – американцы. Посреди комнаты были французы, итальянцы, двое испанцев и канадцы. Ближе всех к двери остались японцы, шведы и Франклин, единственный ирландец. Одной из последних привели супружескую пару Циммерманов, плотных, хорошо одетых американцев. Поначалу Хьюз определил мужа как торговца одеждой, какого-нибудь опытного закройщика, открывшего свое дело; однако после разговора на Паросе выяснилось, что это недавно ушедший на покой профессор философии со Среднего Запада. Минувя столик Франклина по дороге к прочим американцам, Циммерман пробормотал: «Отделение чистых от нечистых».

Когда все собрались, Франклина отвели в каюту начальника хозяйственной части, где обосновался главарь гостей. Он вдруг поймал себя на том, что гадает, не прикреплен ли этот нос картошкой вместе с усами к очкам; возможно, все это снималось одним махом.

– А, мистер Хьюз. Вы, кажется, их представитель. Как бы то ни было, теперь вы утверждаетесь в этом качестве. Вам нужно будет объяснить им следующее. Мы сделаем ради их удобства все, что в наших силах, но они должны понимать, что имеются известные трудности. Им будет позволено разговаривать друг с другом каждый час в течение пяти минут. В это же время желающие смогут посетить туалет. По одному. Я думаю, все они люди разумные, и очень не хотел бы убедиться в обратном. Есть один человек, который говорит, что не может найти свой паспорт. Его фамилия Толбот.

– Мистер Толбот, да. – Рассеянный пожилой англичанин, который неоднократно задавал вопросы о религии в Древнем мире. Скромный дядька, без доморощенных теорий, слава богу.

– Он сядет вместе с американцами.

– Но он англичанин. Из Киддерминстера.

– Если он вспомнит, где его паспорт, будет англичанин и сядет с англичанами.

– Видно же, что англичанин. – (Араб остался равнодушным.) – Но произношение-то у него не американское, правда?

– Я с ним не беседовал. К тому же произношение ведь вообще не доказательство, верно? Вы вот, к примеру, говорите как англичанин, но по паспорту вы не англичанин. – (Франклин медленно кивнул.) – Так что подождем паспорта.

– Зачем вы нас разделили?

– Мы думали, вам понравится сидеть с земляками. – Араб сделал ему знак уходить.

– Последний вопрос. Моя жена. Можно ей сесть со мной?

– Ваша жена? – Главарь посмотрел на лежащий перед ним список пассажиров. – У вас нет жены.

– Нет есть. Она путешествует под именем Триция Мейтленд. Это ее девичье имя. Мы поженились три недели назад. – Франклин помедлил, затем прибавил доверительным тоном: – Вообще-то, она у меня уже третья.

Но франклиновский гарем, кажется, не произвел на араба никакого впечатления.

– Поженились три недели назад? Но ведь вы, по-моему, в разных каютах. Что, дела идут так худо?

– Нет, у меня отдельная каюта для работы, понимаете? Для подготовки к лекциям. Это роскошь, лишняя каюта, моя привилегия.

– Так она ваша жена? – Тон оставался бесстрастным.

– Ну да, конечно, – ответил он с легким негодованием.

– Но у нее британский паспорт.

– Она ирландка. Кто выходит замуж за ирландца, становится ирландкой. Это ирландский закон.

– Мистер Хьюз, у нее британский паспорт. – Он пожал плечами, словно проблема была неразрешима, затем нашел решение: – Но если вы хотите сидеть вместе с женой, можете пойти и сесть за столик к англичанам.

Франклин неловко улыбнулся.

– Если я представитель пассажиров, как я могу попасть к вам, чтобы передать просьбы пассажиров?

– Просьбы пассажиров? Нет, вы не понимаете. У пассажиров нет просьб. Вы не попадете ко мне, пока я сам этого не захочу.

Передав новые распоряжения, Франклин сел за свой отдельный столик и задумался. Хорошо в данной ситуации было то, что до сих пор с ними обращались более или менее корректно; никого не избили и не застрелили, и взявшие их в плен люди не производили впечатления истеричных мясников, какими могли бы оказаться. С другой стороны, плохое было тесно связано с хорошим: не будучи истеричными, гости, наверное, были людьми упорными, деятельными, не привыкшими отказываться от своей цели. Но какова была эта цель? Для чего они захватили «Санта-Юфимию»? С кем вели переговоры? И кто управлял мокнущим в море кораблем, который, насколько Франклин мог судить, описывал широкие, медленные круги?

Время от времени он ободряюще кивал японцам за соседним столиком. Пассажиры в дальнем конце столовой, как он не мог не заметить, иногда посматривали в его сторону, словно проверяя, здесь ли он еще. Он стал их связным, возможно, даже лидером. Эта его лекция о Кноссе, с учетом условий, выглядела сейчас почти блестящей; гораздо более отчаянной, чем он тогда предполагал. Теперешнее сидение в одиночестве, вот что его расстроило; он стал размышлять. Первоначальный всплеск эмоций – нечто близкое к восторженности – пошел на спад; взамен им овладели вялость и дурные предчувствия. Может быть, ему следует пойти и сесть с Трицией и англичанами? Но тогда они могут не посчитаться с его гражданством. Это разделение пассажиров – действительно ли оно означало то, чего он боялся?

Ближе к вечеру они слышали самолет, пролетевший над ними довольно низко. Из американского угла столовой донеслись приглушенные радостные возгласы; потом шум мотора затих. В шесть часов появился один из стюардов-греков с большим подносом сэндвичей; Фран-

клин отметил, как страх обостряет голод. В семь, когда он выходил по-маленькому, американский голос прошептал: «Так держать». Вернувшись за столик, он попытался принять спокойный и уверенный вид. Но вот беда: чем больше он думал, тем меньше находил оснований бодриться. В последние годы западные правительства много шумели о терроризме, о необходимости встретить угрозу с высоко поднятой головой и обуздать молодчиков; но молодчики что-то не замечали, что их обуздывают, и продолжали свое дело. Тех, кто посередке, убивали; правительства и террористы оставались невредимыми.

В девять Франклина снова вызвали в каюту начальника хозчасти. Пассажиров надо было развести на ночлег: американцев обратно в лекционную, англичан в диско-бар и так далее. Все эти помещения затем следовало запереть. Это было необходимо: гости тоже нуждались в отдыхе. Паспорта велели держать наготове, чтобы их можно было предъявить в любую минуту.

– А как с мистером Толботом?

– Он считается почетным американцем. Пока не найдет паспорт.

– А насчет моей жены?

– Мисс Мейтленд? Что вас интересует?

– Ей можно быть со мной?

– А. Ваша жена-англичанка.

– Она ирландка. Выходите за ирландца – становитесь ирландкой. Это закон.

– Закон, мистер Хьюз. Люди вечно твердят *нам* о законе. Меня часто ставило в тупик их мнение о том, что законно, а что незаконно. – Он посмотрел на карту Средиземноморья, висевшую на стене позади Франклина. – Законно ли, например, бомбить лагеря беженцев? Я много раз пытался обнаружить закон, который это разрешает. Но мы, похоже, затеяли долгий спор, а мне иногда кажется, что споры бессмысленны, так же как бессмыслен закон. – Он пожал плечами, отпуская Франклина. – Что же касается мисс Мейтленд, то будем надеяться, что ее национальность, как бы это сказать, не сыграет роли.

Франклин попытался подавить дрожь. Бывают случаи, когда уклончивые слова звучат гораздо страшнее, чем прямая угроза.

– А вы не скажете мне, когда это может... сыграть роль?

– Они глупы, вот в чем дело. Они глупы, потому что думают, что мы глупы. Они лгут самым откровенным образом. Говорят, что нельзя так скоро все уладить. Конечно же можно. Есть такая вещь, как телефон. Они думают, будто научились чему-то благодаря прежним случаям подобного рода, но у них не хватает ума понять, что и мы кое-чему научились. Мы знаем их тактику: лгать и тянуть время, все эти попытки фамиллярничать с борцами за свободу. Все мы знаем. И насколько у людей хватает сил, тоже знаем. Так что ваши правительства заставляют нас делать то, о чем мы предупреждали. Если бы они сразу начали переговоры, проблем бы не было. Но они всегда начинают слишком поздно. Им же хуже.

– Нет, – сказал Франклин. – Это нам хуже.

– Вам, мистер Хьюз, думаю, еще не время беспокоиться.

– А когда будет время?

– Я думаю, вам вообще не стоит беспокоиться.

– Когда будет время?

Главарь помолчал, затем с сожалением повел рукой:

– Наверное, завтра. Сроки уже установлены, видите ли. Мы говорили им об этом с самого начала.

Какой-то частью своего существа Франклин Хьюз не мог поверить и в происшедшую беседу. Другая часть хотела сказать, что он всей душой на стороне захватчиков, а его гэльский паспорт, между прочим, означает, что он член ИРА, и пусть ему, ради Христа, разрешат уйти в свою каюту, лечь и забыть обо всем. Но вместо этого он повторил:

– Сроки? – Араб кивнул. Не думая, Франклин спросил: – По одному в час? – Он немедленно пожалел о своем вопросе. Нельзя было подавать этому типу идеи.

Араб покачал головой.

– По двое. Двоих каждый час. Если не поднимать ставки, они не относятся к вам всерьез.

– Боже. Прийти на корабль и просто вот так убивать людей. Просто вот так?

– А по-вашему, было бы лучше, если бы мы объяснили им, почему мы их убиваем? –

Его тон был насмешлив.

– Ну да, конечно.

– По-вашему, они проникнутся к нам сочувствием? – Теперь в его голосе было больше издевки, чем насмешки. Франклин умолк. Он думал, когда же они начнут убивать. – Спокойной ночи, мистер Хьюз, – сказал главарь гостей.

На ночь Франклина поместили в одной из офицерских кают, вместе с семьей шведов и тремя японскими парами. Как он понял, среди всех пассажиров им угрожала наименьшая опасность. Шведам – потому что их нация всегда соблюдала нейтралитет; Франклину и японцам, возможно, потому, что Япония и Ирландия в недавнее время порождали террористов. До чего нелепо. Шестерых японцев, приехавших в Европу изучать ее культуру, никто не спрашивал, поддерживают ли они различных политических убийц в своей собственной стране; Франклина тоже не пытали насчет ИРА. Гэльский паспорт, полученный благодаря случайному генеалогическому выбросу, предполагал возможную солидарность с гостями, и это служило защитой его хозяину. На самом деле Франклин ненавидел ИРА точно так же, как любую другую политическую группировку, мешавшую или способную помешать нелегкой работе – быть Франклином Хьюзом. Кажется – согласно своим принципам проведения ежегодного отдыха он не уточнял этого, – Триция гораздо более сочувственно относилась к заполонившим мир бандам жестоких маньяков, которым суждено было роковым образом повлиять на карьеру Франклина Хьюза. Однако ее посадили к британским дьяволам.

Сегодня в их каюте почти не разговаривали. Японцы держались обособленно; шведы коротали вечер, развлекая детей беседой о доме и Рождестве и английских футбольных командах; Франклина же тяготило бремя услышанного от главаря. Он был напуган и угнетен; но вынужденная изоляция, казалось, превращала его в пособника террористов. Он попробовал думать о двух своих женах и дочери, которой теперь должно быть уже... ну да, пятнадцать – ему всегда приходилось вспоминать год ее рождения и считать оттуда. Надо бы вырываться к ней почаще. Может, даже взять ее с собой, когда будут снимать очередной цикл. Пусть поглядит на съемки его шоу-экскурсии по Форуму; ей понравится. Так куда же все-таки деть камеру? Может, снимать в движении? И добавить статистов в тогах и сандалиях – да-да, это будет самое то...

На следующее утро Франклина привели в каюту начальника хозчасти. Главарь гостей махнул ему, предлагая садиться.

– Я решил последовать вашему совету.

– Моему совету?

– Переговоры, к несчастью, идут плохо. То есть вовсе не идут. Мы определили свою позицию, но они никак не желают определить свою.

– Они?

– Они. Так что, если в ближайшем будущем ничего не изменится, нам придется оказывать на них давление.

– Оказывать давление? – Даже Франклин, который не смог бы сделать карьеру на телевидении, не будучи мастером по части эвфемизмов, был разгневан. – Вы имеете в виду – убивать людей?

– Как это ни грустно, другого давления они не понимают.

– А вы пробовали?

– Да, конечно. Мы пробовали сидеть сложа руки и ждать помощи от мирового общественного мнения. Пробовали быть хорошими и надеяться, что в награду нам вернут нашу землю. Могу уверить вас, что эти методы не работают.

– А почему не попробовать что-нибудь среднее?

– Эмбарго на американские товары, мистер Хьюз? Не думаю, что они примут это всерьез. Ограничение импорта «шевроле» в Бейрут? Нет, к сожалению, есть люди, которые понимают только давление определенного сорта. Мир движется вперед только...

– Только благодаря убийствам? Веселенькая философия.

– В мире мало веселенького. Ваши исследования древних цивилизаций должны были бы научить вас этому. Ну да ладно... Я решил последовать вашему совету. Мы объясним пассажирам, что происходит. Как они оказались участниками истории. И какова эта история.

– Они наверняка это оценят. – Франклин почувствовал тошноту. – Рассказать им, что да как.

– Вот-вот. Видите ли, в четыре часа необходимо будет начать... начать убивать их. Конечно, мы надеемся, что такой необходимости не возникнет. Однако же... Вы правы, если это возможно, им надо объяснить положение дел. Даже солдат знает, за что воюет. Будет справедливо, если пассажиры узнают тоже.

– Но они не воюют. – Тон араба, так же как и его слова, раздражал Франклина. – Они штатские люди. Поехали отдыхать. Они не воюют.

– Они больше не штатские, – ответил араб. – Ваши правительства другого мнения на этот счет, но они не правы. Ваше ядерное оружие, разве оно только против армии? Сионисты, по крайней мере, это понимают. У них воюет весь народ. Убить штатского сиониста – значит убить солдата.

– Послушайте, но у нас на корабле нет штатских сионистов, бог с вами. Здесь только люди вроде несчастного старого Толбота, который потерял паспорт и превратился в американца.

– Тем более им следует все объяснить.

– Понятно, – сказал Франклин и не смог сдержать ухмылку. – Так вы хотите собрать пассажиров и объяснить им, что они на самом деле сионистские солдаты и поэтому вы намерены убить их.

– Нет, мистер Хьюз, вы не поняли. Я ничего объяснять не собираюсь. Они не станут меня слушать. Нет, мистер Хьюз, все это объясните им вы.

– Я? – Франклин не испугался. Наоборот, он почувствовал решимость. – Ни за что. Делайте свое грязное дело сами.

– Но, мистер Хьюз, вы же профессиональный лектор. Я слушал вас, хоть и недолго. У вас так хорошо получается. Вы могли бы описать все с исторической точки зрения. Мой помощник даст вам любую необходимую информацию.

– Не нужна мне никакая информация. Делайте свое грязное дело сами.

– Мистер Хьюз, честное слово, я не могу вести переговоры с двумя сторонами одновременно. Сейчас девять тридцать. У вас есть полчаса на размышление. В десять вы скажете, что прочтете лекцию. Затем у вас будет два часа, три часа, если понадобится, на беседу с моим помощником. – Франклин качал головой, но араб бесстрастно продолжал: – Затем вы должны будете к трем часам подготовить лекцию. Думаю, ее продолжительность составит минут сорок пять. Я, разумеется, буду слушать вас с величайшим интересом и вниманием. А в три сорок пять, если меня удовлетворит то, как вы объясните ситуацию, мы в благодарность признаем ирландское гражданство вашей недавно обретенной жены. Это все, что я хотел вам сказать; в десять часов вы передадите мне свой ответ.

Вернувшись в каюту к шведам и японцам, Франклин вспомнил цикл телепередач о психологии, который его как-то попросили провести. Цикл отменили после первой же пробной пленки, о чем никто особенно не жалел. Среди прочего в нем рассказывалось об эксперименте

по определению грани, за которой собственные интересы побеждают альтруизм. В такой формулировке это звучало почти солидно; однако сам опыт показался Франклину отвратительным. Исследователи брали недавно родившую самку обезьяны и помещали ее в специальную клетку. Мать продолжала кормить и ласкать своего детеныша примерно таким же образом, как это делали в пору материнства жены экспериментаторов. Затем они включали ток, и металлический пол клетки постепенно нагревался. Сначала обезьяна беспокойно подпрыгивала, потом долго, пронзительно кричала, потом пыталась стоять по очереди на каждой ноге, ни на секунду не выпуская детеныша из рук. Пол становился все горячее, мучения обезьяны – все заметнее. Наконец жар оказывался нестерпимым, и перед ней, по словам экспериментаторов, вставал выбор между альтруизмом и собственными интересами. Она должна была либо терпеть сильнейшую боль и, возможно, пойти на смерть ради сохранения своего потомства, либо положить детеныша на пол и влезть на него, чтобы избавить себя от дальнейшей пытки. Во всех случаях, раньше или позже, собственные интересы торжествовали над альтруизмом.

Этот эксперимент вызвал у Франклина омерзение, и он был рад, что все закончилось пробным выпуском и ему не пришлось показывать публике такие вещи. Теперь он чувствовал себя примерно как та обезьяна. Ему надо было выбрать один из двух равно отталкивающих вариантов: или бросить свою подругу, сохранив себя незапятнанным, или спасти подругу, объяснив невинным людям, что справедливость требует убить их. И спасет ли это Триш? Франклина не гарантировали даже его собственной безопасности; возможно, в качестве ирландцев их обоих лишь переместят в конец списка смертников, но все же не вычеркнут оттуда. С кого они начнут? С американцев, с англичан? Если с американцев, долго ли придется ждать англичанам? Четырнадцать, шестнадцать американцев – он жестокосердно перевел это в семь-восемь часов. Если они начнут в четыре, а правительства будут стоять на своем, с полуночи начнут убивать англичан. А в каком порядке? Мужчин первыми? Кто подвернется? По алфавиту? Фамилия Триш – Мейтленд. Как раз посередине алфавита. Увидит ли она рассвет?

Он представил себя стоящим на теле Триции, чтобы уберечь свои обожженные ноги, и содрогнулся. Ему придется прочесть лекцию. Вот в чем разница между обезьяной и человеком. В конце концов, человек все-таки способен на альтруизм. Именно поэтому он и не обезьяна. Конечно, вероятнее всего, что после лекции его аудитория сделает прямо противоположный вывод, решит, будто Франклин действует в собственных интересах, спасает свою шкуру гнусным угодничеством. Но в этом особенность альтруизма: человек всегда может быть превратно понят. А потом он им всем все объяснит. Если будет какое-нибудь потом. Если будут они все.

Когда появился помощник, Франклин попросил снова отвести его к главарю. В обмен на лекцию он хотел вытребовать неприкосновенность для себя и Триции. Но помощник пришел только за ответом; продолжать переговоры захватчики не собирались. Франклин понуро кивнул. Все равно он никогда толком не умел торговаться.

В два сорок пять Франклина отвели в его каюту и разрешили принять душ. В три он вошел в лекционную, где был встречен самой внимательной в его жизни публикой. Он налил себе из графина затхлой воды, которую никто не позаботился переменить. Почувствовал накат изнеможения, подспудную толчею паники. Всего за день мужчины успели обрасти бородами, женщины смялись. Они уже не походили на самих себя или на тех, с кем Франклин провел десять дней. Может быть, благодаря этому их будет легче убивать.

Прежде чем начать писать самому, Франклин понаторел в искусстве как можно доступнее излагать чужие мысли. Но никогда еще сценарий не будил в нем таких опасений; никогда не ставил режиссер таких условий; никогда не платили ему такой необычной монетой. Согласившись выступать, он поначалу убедил себя в том, что непременно найдет способ сообщить аудитории о вынужденном характере лекции. Придумает какую-нибудь уловку вроде тех фальшивых минойских надписей; или так все преувеличит, выкажет такой энтузиазм по поводу навязанной ему идеи, что публика не сможет не заметить иронии. Но нет, все это не годилось.

Ирония, вспомнил Франклин определение одного старого телевизионщика, – это то, чего люди не понимают. А уж в нынешних условиях пассажиры наверняка не станут выискивать ее в словах Франклина. Беседа с помощником только ухудшила дело: помощник дал точные инструкции и добавил, что всякое отклонение от них повлечет за собой не только отказ вывести мисс Мейтленд из группы англичан, но и непризнание ирландского паспорта самого Франклина. Они-то умели торговаться, эти гады.

– Я надеялся, – заговорил он, – что при следующей нашей с вами встрече продолжу рассказ об истории Кносса. К сожалению, как вы знаете и сами, обстоятельства изменились. У нас гости. – Он сделал паузу и поглядел вдоль прохода на главара, стоящего перед дверьми с охранниками по обе стороны. – Теперь все иначе. Мы в руках других людей. Наша... участь больше от нас не зависит.

Франклин кашлянул. Начало выходило не слишком удачное. Он уже стал сбиваться на иносказания. Единственным его долгом, единственной задачей, которая стояла перед ним как перед профессионалом, было говорить максимально прямо. Франклин никогда не отрицал, что работает на публику и не раздумывая встанет на голову в ведре с селедкой, если это увеличит число его зрителей на несколько тысяч; но где-то в нем крылось остаточное чувство – смесь восхищения и стыда, – заставлявшее его держать на особом счету тех рассказчиков, которые были совсем другими, чем он: тех, что говорили спокойно, своими собственными, простыми словами и чье спокойствие придавало им вес. Зная, что никогда не будет похож на них, Франклин попытался сейчас следовать их примеру.

– Меня попросили объяснить вам положение дел. Объяснить, как вы... мы... оказались в такой ситуации. Я не специалист по ближневосточной политике, но попробую рассказать все так, как я это понимаю. Для начала нам, наверное, придется вернуться в девятнадцатое столетие, когда до образования государства Израиль было еще далеко...

Франклин вошел в привычный, спокойный ритм, словно боулер, размеренно бросающий мячи. Он чувствовал, что слушатели понемногу расслабляются. Обстоятельства были необычны, но им рассказывали интересную историю, и они открывались навстречу рассказчику, как испокон веку делала публика, желающая знать, откуда все пошло, жаждающая, чтобы ей объяснили мир. Франклин изобразил идиллическое девятнадцатое столетие – сплошь кочевники, да козопасы, да традиционное гостеприимство, позволяющее вам по три дня проводить в чужом жилище, не подвергаясь расспросам о цели вашего визита. Он говорил о ранних поселениях сионистов и о западных концепциях собственности на землю. О Декларации Бальфура. Об иммиграции евреев из Европы. О Второй мировой войне. О вине европейцев в том, что за фашистский геноцид пришлось платить арабам. О евреях, которых преследования нацистов научили тому, что единственный способ уцелеть – это самим стать такими же, как нацисты. Об их милитаризме, экспансионизме, расизме. Об их упреждающем ударе по египетскому воздушному флоту в начале Шестидневной войны, который был полным моральным эквивалентом Перл-Харбора (Франклин умышленно не смотрел на японцев – и на американцев – ни в этот момент, ни в течение еще нескольких минут). О лагерях беженцев. О краже земли. Об искусственной поддержке израильской экономики долларом. О зверствах по отношению к обездоленным. О еврейском лобби в Америке. Об арабах, просивших у западных держав лишь той справедливости, какую уже нашли у них евреи. О печальной необходимости прибегнуть к насилию, уроке, преподанном арабам евреями точно так же, как прежде – евреям нацистами.

Пока Франклин использовал только две трети отведенного времени. Наряду с потаенной враждебностью части публики он, как ни странно, ощущал и расплывшуюся по залу дремоту, точно люди уже слышали эту историю прежде и не поверили ей еще тогда.

– И вот мы подходим к настоящему моменту. – Это снова пробудило в них напряженное внимание; несмотря на экстраординарность ситуации, Франклин почувствовал, как по коже у

него побежали мурашки удовольствия. Он был словно гипнотизер, которому достаточно шелкнуть пальцами, чтобы заморозить зрителей. – Мы должны понять, что на Ближнем Востоке больше не осталось мирных граждан. Сионисты понимают это, западные правительства – нет. Мы, увы, теперь тоже не мирные граждане. В этом виноваты сионисты. Вы... мы... взяты в заложники группировкой «Черный гром» с целью добиться освобождения троих ее членов. Возможно, вы помните, – хотя Франклин сомневался в этом, ибо случаи подобного рода были часты, почти взаимозаменяемы, – что два года назад американские воздушные силы принудили гражданский самолет с тремя членами группы «Черный гром» на борту совершить посадку на Сицилии, что итальянские власти одобрили этот акт пиратства и в нарушение международных законов арестовали троих борцов за свободу, что Британия защищала действия Америки в ООН и что те трое сейчас находятся в тюрьмах Франции и Германии. Группа «Черный гром» не намерена подставлять другую щеку, и теперешний оправданный... налет, – Франклин произнес это слово с осторожностью, взглянув на главаря, словно показывая, что не хочет опускаться до эвфемизма, – следует считать ответом на тот акт пиратства. К несчастью, западные правительства не проявляют такой же заботы о своих гражданах, как «Черный гром» – о своих борцах за свободу. К несчастью, они до сих пор не соглашаются отпустить заключенных. К сожалению, у «Черного грома» нет иного выбора, кроме как осуществить задуманную угрозу, о которой западным правительствам было недвусмысленно сообщено с самого начала...

В этот момент крупный, неспортивного вида американец в голубой рубашке сорвался с места и побежал по проходу к арабам. Их автоматы не были установлены в режим стрельбы одиночными выстрелами. Было очень много шума и сразу вслед за тем – много крови. Итальянец, сидевший на линии огня, получил в голову пулю и упал на колени к жене. Несколько человек встали и быстро сели опять. Главарь группы «Черный гром» взглянул на часы и махнул Хьюзу, чтобы тот продолжал. Франклин сделал большой глоток несвежей воды. Он пожалел, что под рукой нет чего-нибудь покрепче.

– Из-за упрямства западных правительств, – снова заговорил он, стараясь, чтобы голос его звучал теперь как можно официальнее, без прежних хьюзовских интонаций, – и их безрассудного пренебрежения человеческими жизнями возникла необходимость принести жертвы. Как я пытался объяснить ранее, это исторически неизбежно. Группа «Черный гром» чрезвычайно надеется на то, что западные правительства незамедлительно отойдут от принятой ими тактики. В качестве последнего средства, которое должно вразумить их, необходимо будет казнить по двое из вас... из нас... по истечении каждого часа до начала переговоров. Группа «Черный гром» решается на подобные действия скрепя сердце, но западные правительства не оставляют ей выбора. Порядок экзекуции установлен в соответствии со степенью вины западных стран в происходящем на Ближнем Востоке. – Франклин уже не смотрел на свою аудиторию. Он понизил голос, но не мог позволить себе перейти предел слышимости. – Сначала американцы-сионисты. Потом остальные американцы. Потом англичане. Потом французы, итальянцы и канадцы.

– Какого хера вы путаете Канаду в ближневосточные дела? Какого хера? – закричал человек, на голове у которого по-прежнему была панاما с кленовым листом; жена не давала ему встать.

Франклин, чувствуя, что жар под ногами становится нестерпимым, машинально сгреб листочки, ни на кого не глядя, сошел с возвышения, пересек зал, испачкав свои каучуковые подошвы в крови мертвого американца, миновал троих арабов, которые могли бы пристрелить его, если бы захотели, и, никем не сопровождаемый, беспрепятственно добрался до своей каюты. Там он запер дверь и лег на койку.

Очень скоро на палубе загремели выстрелы. С пяти до одиннадцати, ровно через каждые шестьдесят минут, словно жуткая пародия на бой городских часов, снаружи раздавался треск пулеметов. Затем слышались всплески – это выбрасывали в море очередную пару. В начале две-

надцатого американскому отряду специального назначения из двадцати двух человек, преследовавшему «Санта-Юфимию» в течение пятнадцати часов, удалось попасть на борт. В стычке погибли еще шесть пассажиров, включая мистера Толбота, почетного американского гражданина из Киддерминстера. Из восьмерых гостей, помогавших кораблю грузиться на Родосе, были убиты пятеро, двое – после того как сдались.

Ни главарь, ни его помощник не уцелели, поэтому не нашлось никого, кто подтвердил бы рассказ Франклина Хьюза о заключенной им с арабами сделке. Триция Мейтленд, которая, сама о том не ведая, на несколько часов стала ирландкой и которая во время лекции Франклина Хьюза вернула свое кольцо на прежнее место, никогда больше с ним не разговаривала.

3. Религиозные войны

Источник: Archives Municipales de Besançon (section CG, boîte 377a)³. Нижеследующее дело, отчет о котором до сих пор не публиковался, представляет особый интерес для историков права, поскольку в роли procureur pour les insectes⁴ выступал знаменитый юрист Бартоломе Шасене (также Шасане и Шасенье), позднее первый председатель высшего суда Прованса. Шасене, 1480 года рождения, сделал себе имя на церковном суде Отёна, защищая крыс, которые обвинялись в злонамеренном истреблении урожая ячменя. Приводимые здесь документы, начиная с pétition des habitants⁵ и до заключительного приговора суда, не являются полным отчетом – отсутствует, например, опрос свидетелей, могущих быть кем угодно, от местных крестьян до знаменитых экспертов по образу жизни подсудимых, – однако имеющиеся записи передают показания очевидцев в целом и часто содержат точные ссылки на них, поэтому читатель может получить вполне адекватное представление о ходе разбирательства. По обычаю той поры заявления сторон и conclusions du procureur épiscopal⁶ делались на французском, в то время как приговор суда был торжественно оглашен на латыни.

(Примечание переводчика. Все материалы в рукописи идут подряд, и почерк везде один и тот же. Таким образом, мы имеем здесь не оригинальные документы, которые составлялись клерками при каждом законнике, а результат труда третьей стороны, возможно, кого-нибудь из судей, не стремившегося записать все выступления целиком. Сличение с содержимым ящиков 371–379 заставляет предположить, что дело в его настоящем виде было одним из ряда показательных или типичных судебных процессов, используемых для подготовки юристов. Эту догадку подтверждает тот факт, что из всех участников разбирательства по имени назван только Шасене, словно студентам предлагалось учиться мастерству на выступлениях знаменитого защитника независимо от исхода тяжбы. Рукопись выполнена почерком первой половины шестнадцатого столетия, поэтому если она и является чьей-то посторонней версией, что не исключено, то все же принадлежит перу современника. Мною были приложены все усилия, чтобы передать местами экстравагантный стиль выступлений – особенно безымянного procureur des habitants⁷ – соответствующим английским.)

Pétition des habitants

Мы, жители Мамироля Безансонской епархии, будучи преисполненными благоговения перед всемогущим Господом и смиренного почтения к супруге его Церкви и будучи вместе с тем наипослушнейшими и наипокорнейшими плательщиками причитающихся с нас десятин, сим документом от 12 августа 1520 года настоятельно и убедительно просим суд освободить и избавить нас от преступных посягательств тех злоумышленников, кои осаждают нас уже многие годы, кои навлекли на нас Божий гнев и позор на наше селение и кои угрожают всем нам, богобоязненным и наипокорнейшим слугам Церкви нашей, мгновенной и ужасной смертью, грозящей низринуться на нас сверху подобно удару грома, которая непреложно постигнет нас, если суд в своей глубочайшей мудрости скорым и справедливым решением не изгонит сих злоумышленников из нашего поселка, повелев им уйти по их отвратности и злобности, под страхом осуждения, анафемы и отлучения от Святой Церкви и Божьего покровительства.

³ Муниципальные архивы Безансона (секция CG, ящик 377a) (фр.).

⁴ Доверенного лица насекомых (фр.).

⁵ Прошения жителей (фр.).

⁶ Заключение епископального прокурора (фр.).

⁷ Доверенного лица жителей (фр.).

Plaidoyer des habitants⁸

Господа, сии бедные и смиренные истцы, несчастные и удрученные, предстали перед вами, как некогда жители островов Минорки и Мальорки предстали перед могущественным Августом Цезарем, прося его употребить свою справедливую власть, дабы избавить их острова от кроликов, истребляющих урожаи и лишаящих поселян средств к существованию. И если Август Цезарь оказался в силах помочь своим верным подданным, то насколько проще сему суду снять с рамен истцов возложенное на них гнетущее бремя, подобное бремени великого Энея, который вынес своего отца Анхиза из горящего града Трои. Старый Анхиз был ослеплен ударом молнии, и сии истцы ныне как бы ослеплены, ввергнуты во тьму от света Божьей благодати злонамеренным поведением тех, что проходят ответчиками по данному делу и, однако, даже не явились сюда, дабы попытаться опровергнуть выдвинутые против них обвинения, выказывая тем презрение к сему судилищу и хуля самого Господа, предпочитая скорее похоронить себя в греховной тьме, нежели предстоять свету истины.

Знайте же, господа, то, что было уже поведено вам очевидцами, людьми смиренной веры и безупречной честности, простыми жалобщиками, столь трепещущими сего суда, что из их уст может изливаться лишь чистая влага истины. Они свидетельствовали о событиях двадцать второго дня месяца апреля сего года, дня ежегодного паломничества Гуго, Епископа Безансонского, в скромную церковь Святого Михаила, находящуюся в их поселке. Они описали вам в подробностях, кои пламенеют у вас в памяти подобно раскаленной печи, откуда вышли неведимыми Седрах, Мисах и Авденаго, как по ежегодному обычаю прихорашивали и приуготовляли свою церковь, дабы она стала достойной лицезрения Епископа, как украсили алтарь цветами и заново укрепили дверь против нашествия животных, но как, сумев замкнуть засовы перед свиньями и коровами, они оказались не способны замкнуть их перед теми дьявольскими *bestioles*⁹, кои проникают в малейшую дырочку, подобно тому как Давид отыскал щелку в доспехах Голиафа. Они рассказали вам, как спустили на веревке со стропил Епископский трон, хранящийся там привязанным целый год и спускаемый лишь в день паломничества Епископа, дабы какой-нибудь ребенок или чужеземец не мог случайно сесть на него и тем самым осквернить его, каковая традиция скромна и благочестива и весьма достойна похвалы в очах Господа и сего суда. Как сей трон, спущенный сверху, поместили пред алтарем, что делалось всякий год и иного не мог бы припомнить даже старейший Мафусаил тех мест, и как благоразумные поселяне охраняли его в течение всей ночи перед прибытием Епископа, так страшились они осквернения трона. И как на следующий день Гуго, Епископ Безансонский, прибыл, совершая ежегодное паломничество, подобно Гракху, приходящему к возлюбленному народу своему, в эту скромную церковь Святого Михаила и возрадовался, узрев их рвение и чистоту веры. И как, благословив сначала, по своему обычаю, всех жителей Мамироля со ступеней храма, он прошествовал по главному нефу, сопровождаемый на почтительном расстоянии своей паствой, и пал ниц, как был, во всей роскоши своего облачения, перед алтарем, подобно Иисусу Христу, павшему ниц пред своим Всемогушим Отцом. Как он встал, поднялся по ступеням к алтарю, обратил свой лик к прихожанам и опустил на трон. О, злосчастный день! О, злосчастные покусители! И как Епископ упал, ударясь головой об алтарную ступень, и был ввергнут против своей воли в состояние неразумия. И как, по отбытии Епископа и его свиты, унесшей Епископа в состоянии неразумия, уstraшенные истцы осмотрели Епископский трон и обнаружили в ножке, рухнувшей, словно стены Иерихона, следы гнусного и противоестественного вторжения древесных червей, и как сии черви, тайно и исподволь совершившие свой дьявольский

⁸ Заявление со стороны жителей (фр.).

⁹ Зверюшками, козявками (фр.).

труд, так проели ножку, что Епископ низринулся, подобно могучему Дедалу, с сияющих небес во тьму неразумия. И как, весьма убоясь Божьего гнева, истцы забрались на стропила церкви Святого Михаила и осмотрели раму, на которой трон покоился триста шестьдесят четыре дня в году, и как они обнаружили, что черви проникли и в раму, так что она рассыпалась, едва они прикоснулись к ней, и кощунственно упала вниз на алтарные ступени, и как брусья крыши оказались коварно источены сими дьявольскими *bestioles*, что заставило истцов опасаться за собственную жизнь, ибо они столь же бедны, сколь и набожны, и их бедность не позволяет им выстроить новую церковь, а их набожность велит им поклоняться их Пресвятому Отцу столь же ревностно, сколь и прежде, и в освященном месте, а не среди полей и лесов.

Так прислушайтесь же, господа, к жалобе сих смиренных поселян, безответных, как трава под ногою. Они привыкли ко многим бедствиям: к саранче, затмевающей небо, как длань Господня, что застит солнце, к полчищам крыс, опустошающим их поля, как свирепый вепрь окрестности Калидона, о чем повествует Гомер в первой книге «Илиады», к долгоносику, истребляющему зерно в их зимних амбарах. Сколь же пагубнее и зловреднее сия новая напасть, грозящая уничтожить зерно, которое поселяне накапливают на Небесах своею кроткою набожностью и выплатами десятины. Ибо сии злоумышленники, даже и сегодня проявившие неуважение к вашему суду, оскорбили самого Господа, напав на его Дом, оскорбили его супругу Церковь, ввергнув Гуго, Епископа Безансонского, во тьму неразумия, оскорбили истцов, угрожая обрушить остов и покрытие их церкви на невинные головы детей и младенцев в тот час, когда весь поселок возносит молитвы, а посему будет правильно, разумно и необходимо приказать и повелеть этим животным оставить свое поселение и удалиться из Дома Господня, а также приговорить их к необходимой анафеме и отлучению, как предписано нашей Пресвятой Матерью Церковью, за которую неустанно молятся сии бедные истцы.

Plaidoyer des insectes¹⁰

Итак, господа, поскольку вам было угодно назначить меня доверенным лицом *bestioles* в этом деле, я попытаюсь объяснить суду, почему обвинения в их адрес несостоятельны и почему иск должен быть отклонен как необоснованный. Признаться, я удивлен тем, что о моих клиентах, не совершивших никакого преступления, говорят как о злейших преступниках, и тем, что мои клиенты, будучи бессловесными, вызваны сюда для объяснений, словно в своих ежедневных хлопотах они привыкли пользоваться человеческой речью. Однако дар речи есть у меня, и я со всем смирением попробую сослужить службу их безгласным устам.

Так как вы дозволили мне выступать за этих несчастных животных, я, во-первых, замечу, что мои подзащитные неподсудны данному суду и что направленный им вызов лишен законной силы, ибо предполагает, что его получатели наделены разумом и волей и тем самым способны как совершить преступление, так и ответить на вызов в суд по поводу вышеуказанного преступления. Сие же места не имеет, ибо мои клиенты суть низшие животные, направляемые только инстинктом, что подтверждается в первой книге Пандектов, в параграфе «*Si quadrupes*»¹¹, где сказано: «*Nec enim potest animal injuriam fecisse, quod sensu caret*»¹².

Во-вторых, в качестве дополнения и альтернативы предыдущему, я утверждаю, что если бы случаи с *bestioles* и подлежали юрисдикции суда, настоящий трибунал не имел бы законных оснований рассматривать это дело, ибо существует хорошо известное и давно установленное правило, что обвиняемых нельзя судить *in absentia*¹³. Здесь прозвучало заявление, что дре-

¹⁰ Заявление со стороны насекомых (фр.).

¹¹ «Если четвероногое» (лат.).

¹² «Ведь не может животное совершить правонарушение, ибо оно лишено разума» (лат.).

¹³ В их отсутствие (лат.).

весным червям была отправлена стандартная повестка, предписывающая им в назначенный день, а именно сегодня, явиться на суд, они же дерзко отказались явиться, тем самым лишась обычного права не быть судимыми *in absentia*. Против этого аргумента я выдвигаю два возражения. Первое: если даже вызов в суд был составлен должным образом, имеем ли мы доказательства того, что он получен моими подзащитными? Ибо известно, что повестка должна быть не только составлена, но и доставлена, а поверенный жителей Мамироля не указал, каким способом древесные черви подтвердили получение повестки. И второе возражение, еще более веское: в анналах права имеется строжайше сформулированный принцип, согласно которому ответчику следует извинить неявку в суд, если может быть показано, что значительное расстояние, трудности или опасности пути не позволяют ему предстать перед судом без всякого риска. Если бы вы вызвали на суд крысу, могли бы вы ожидать, что она доберется сюда, минуя город, полный кошек? А в данном случае дорога от места обитания *bestioles* до суда представляет для них непреодолимое препятствие не только вследствие своей чудовищной дальности, но и из-за смертельной угрозы, которую несут с собой хищники, всегда готовые покуситься на жизнь этих кротких созданий. Следовательно, они могут, ничем не рискуя, в рамках законности и со всем уважением к суду вежливо отказаться выполнить предписание.

В-третьих, вызов составлен некорректно, ибо он адресован древесным червям, в настоящее время проживающим в церкви Святого Михаила поселка Мамироля. Относится ли это ко всем без исключения *bestioles*, находящимся в церкви? Ведь многие из них ведут мирную жизнь, не представляя какой бы то ни было угрозы для истцов. Разве следует вызывать в суд весь поселок лишь потому, что в нем завелась шайка бандитов? Это неоправданно. Далее, существует правило, согласно которому судом должна быть установлена личность ответчика. Мы рассматриваем два преступных деяния, повреждение ножки Епископского трона и повреждение крыши церкви, но даже минимальная осведомленность об образе жизни моих подзащитных позволяет понять, что те черви, которые в настоящее время проживают в ножке, не могут иметь никакого касательства к делу о крыше, а те, которые проживают в крыше, не могут иметь никакого касательства к делу о ножке. Выходит, что две различные стороны обвиняются в двух различных преступлениях, причем в повестке не проведено разделения сторон и преступлений, следовательно, вызов неспецифицирован и потому недействителен.

В-четвертых, в качестве независимого пункта я должен заявить, что судить *bestioles* подобным образом противно не только Человеческому и Церковному законам, но также и закону Божьему. Ибо откуда взялись те крошечные создания, на которых торжественно обращается вся мощь сего суда? Кто создал их? Не кто иной, как Всемогущий Господь, создавший всех нас, и высших, и низших. И не читаем ли мы в первой главе священной Книги Бытия, что Бог сотворил зверя земного по роду его, скотов по роду их и всех животных, пресмыкающихся по земле, по роду их, и увидел Бог, что это хорошо? И, далее, разве не дал Бог зверям и всем гадам земным всякое семя, какое есть на земле, и всякое дерево, какое есть на земле, и всякий плод всякого дерева в пищу? И, еще далее, разве не дал он им всем наказа плодиться и размножаться и наполнять землю? Создатель не повелел бы зверям и всем гадам земным размножаться, если бы в своей бесконечной мудрости не обеспечил их пропитанием, и он это сделал, сказав, что дает им семя, и плод, и деревья в пищу. Но чем же и были заняты эти кроткие *bestioles* с самого дня Творения, как не осуществлением своих неотъемлемых прав, дарованных им во время оно, прав, которые Человек не властен ни урезать, ни отменять? Да, древесные черви порой выбирают для своего обитания места, где могут причинить Человеку неудобства, но это еще не повод бунтовать против законов Природы, установленных при Сотворении мира, ибо такой бунт есть прямое и дерзкое неповиновение Творцу. Господь вдохнул жизнь в древесных червей и дал им деревья земные в пищу; сколь же самонадеянно и опасно для нас было бы идти наперекор Божьей воле. Нет, я скорее предложил бы суду направить свое внимание не на сомнительные злодеяния кротчайших из тварей, а на злодеяния самого человека. Гос-

подъ ничего не делает без цели, и то, что он позволил древесным червям поселиться в церкви Святого Михаила, является не чем иным, как предупреждением и наказанием человечества за его грехи. То, что червям было позволено населить церковь, а не какой-нибудь другой дом, является, утверждаю я, еще более серьезным предупреждением и наказанием. Неужели люди, представшие перед судом в роли истцов, так уверены в своей смиренности и христианских добродетелях, что берутся обвинять кротчайших животных, не обвинив сначала самих себя? Бойтесь греха гордыни, говорю я этим истцам. Вытащите бревно из своего глаза, прежде чем пытаться достать соринку из чужого.

В-пятых, и в-последних, *procureur pour les habitants* требует от суда обрушить на *bestioles* тот громовой удар, что известен под именем отлучения. В качестве независимого пункта я считаю своим долгом предупредить суд, что такая кара была бы и несоответствующей, и незаконной. Поскольку отлучение лишает грешника возможности общаться с Богом, запрещает ему вкушать хлеб и вино, которые суть тело и кровь Христовы, изгоняет его из лона Святой Церкви с ее светом и теплом, то разве можно считать законным отлучение зверя полевого или гада земного, которые никогда и не являлись причастниками Святой Церкви? Нельзя, в первую очередь, лишать подсудимого тех благ, которыми он никогда не обладал. Это юридически неграмотно. А во-вторых, отлучение – кара великая и ужасная, она ввергает наказуемого в кромешную тьму, навеки лишает его света и благодати Божьей. Возможно ли признать такую кару годной для *bestiole*, которая не имеет бессмертной души? Возможно ли обречь подсудимого на вечные муки, если он не обладает вечной жизнью? Эти существа не могут быть изгнаны из Церкви, ибо они не ее члены; как говорит апостол Павел, «судите внутренних, но не внешних».

Итак, в свете изложенных соображений я предлагаю прекратить дело и отклонить иск как необоснованный, подзащитных же моих оправдать и освободить от всякого дальнейшего судебного преследования.

Бартоломе Шасене, юрист

Réplique des habitants¹⁴

Господа, для меня большая честь вновь выступать перед вашим почтеннейшим судом, моля о справедливости, как та несчастная, обиженная мать, что молила Соломона вернуть ей дитя. Словно Улисс знаменитому Аяксу, буду я противоборствовать адвокату *bestioles*, представившему вам много аргументов, пестротою своей подобных Иезавели.

Во-первых, он утверждает, будто сей суд не имеет прав и полномочий судить *bestioles* за совершенные ими в Мамироле тяжкие преступления, и аргументирует это тем, что в глазах Божьих мы не лучше древесных червей, не выше их и не ниже, а потому не обладаем правом вершить над ними суд подобно Юпитеру, чей храм был на Тарпейской скале, откуда сбрасывали предателей. Но я опровергну это, подражая Господу нашему, изгнавшему меня из Иерусалимского храма, и вот каким образом. Разве человек не выше животных? Разве не явствует из священной Книги Бытия, что животные, сотворенные прежде человека, были сотворены именно ради его пользы? Разве не дал Господь Адаму владычества над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всеми тварями, пресмыкающимися по земле? Разве не нарек человек имена всем скотам, и птицам небесным, и всем зверям полевым? Разве не было владычество человека над животными подтверждено Псалмопевцем и повторно отмечено апостолом Павлом? Но как же может человек владычествовать над животными и не иметь права карать их за их злодеяния? Далее, сие право вершить над животными суд, которое столь упорно отри-

¹⁴ Ответная речь жителей (*фр.*).

цает адвокат *bestioles*, было даровано человеку самим Богом, о чем открыто свидетельствует священная Книга Исхода. Разве не заповедал Господь Моисею священного закона – око за око и зуб за зуб? И не продолжал ли он так: если вол забодает мужчину или женщину до смерти, то вол непременно следует побить камнями и мяса его не есть. Разве священная Книга Исхода не проясняет таким образом закон? И не идет ли она дальше, а именно: если чей-нибудь вол забодает до смерти вола у соседа его, то продать живого вола и разделить пополам выручку, а также и убитого вола разделить пополам? Не заповедал ли так Господь и не дозволил ли человеку судить животных?

Во-вторых, касательно того, что древесных червей не следует судить, ибо они не смогли прибыть на суд. Однако они были призваны сюда в соответствии со всеми существующими правилами. Они были призваны, как Евреи для уплаты дани Августу Цезарю. И разве Израильтяне не повиновались? Кто из присутствующих здесь стал бы препятствовать *bestioles* явиться на суд? Мои смиренные истцы могли бы пожелать, чтобы они не явились, и с этой целью предать огню ножку трона, ввергнувшего Гуго, Епископа Безансонского, в состояние неразумия после удара головой об алтарную ступень, но, будучи христианами, воздержались от этого и предпочли вынести дело на рассмотрение вашего наипочтеннейшего суда. Так какого же врага могли повстречать обвиняемые? Уважаемый адвокат сослался на кошек, едящих крыс. Я не знал, господа, что кошки предпринимали попытки съесть древесных червей по дороге в суд, но если я заблуждаюсь, меня, без сомнения, поправят. Нет, отказ обвиняемых предстать перед вами можно объяснить лишь одним, а именно дерзким и в высшей степени сознательным неподчинением, злостным умолчанием, виновностью, которая слепит глаза, словно явленная Моисею неопалимая купина, тот куст, что пылал, но не сгорал, в точности как их вина, пылающая тем ярче, чем упорнее отказываются они предстать перед судом.

В-третьих, здесь прозвучало, что древесных червей совершенно так же, как и Человека, создал Бог, и что Он дал им семя, и плоды, и деревья в пищу, а стало быть, всякий выбор ими съестного отмечен Божьим благословением. Сие есть главный и важнейший аргумент в пользу *bestioles*, и я опровергну его следующим образом. Священная Книга Бытия говорит нам, что Бог в своей бесконечной милости и щедрости дал зверям полевым и гадам земным всякое семя, и плод, и деревья в пищу. Он дал деревья тем тварям, кои наделены инстинктом пожирать деревья, пусть даже сие служит источником помех и неприятностей для Человека. Но Он не давал им в пищу строений из дерева. Где в священной Книге Бытия сказано, что гады, пресмыкающиеся по земле, могут селиться в строениях из дерева? Разве, дозволяя иным тварям прогрызать растущий дуб, Господь наделил сих тварей и правом прогрызать Дом Божий? Где в Священном Писании Господь дал животным право пожирать Его храмы? И учил ли Господь своих слуг хранить молчание, когда Его храмы пожираются, а Его Епископы повергаются в состояние неразумия? Если свинья съедает освященную облатку, ее вешают за богохульство, и *bestiole*, избравшая своим обиталищем дом Господень, заслуживает не менее суровой кары.

Далее, в качестве независимого пункта, было заявлено, что Господь создал древесного червя так же, как и Человека, а любая тварь Божья осемена Его благословением, сколь бы мерзостной и зловредной она ни была. Но разве Всемогущий Господь, в своей несравненной мудрости и благоволении, создал долгоносика, дабы он уничтожал наши урожаи, и древесных червей, дабы они уничтожали дома Господни? Наученейшие мужи нашей Церкви в течение многих веков изучали каждый стих Священного Писания, словно воины Ирода, разыскивающие невинных младенцев, и не нашли ни единой главы, ни единой строки, ни единой фразы, где упоминалось бы о древесных червях. И потому я ставлю перед судом вопрос, главнейший во всем деле: а были ли вообще сии черви на Ноевом ковчеге? Священные тексты не содержат упоминаний о том, что древесные черви поднимались на борт величественного корабля Ноя или покидали сей корабль. Да и могло ли это быть, ибо разве не из дерева был построен Ковчег? Так ужели Господь в своей вековой мудрости допустил бы на него существо, чья ежеднев-

ная деятельность могла бы повлечь за собою кораблекрушение и трагическую гибель Человека и всех Божьих тварей? Возможно ли хотя бы помыслить нечто подобное? Следовательно, древесных червей на Ковчеге не было, откуда мы заключаем, что они суть твари ущербные и противоестественные, не существовавшие во времена Потопа, сего великого и ужасного бедствия. Откуда появились они на свет, произошло ли это благодаря слепому случаю или по чьему-то коварному умыслу, нам неведомо, однако их пагубность и зловредность очевидны. Сии гнусные создания предались телом Дияволу и тем лишили себя Божьей защиты и покровительства. Разве не доказывает этого со всею ясностью то, каким лукавым и хитроумным образом надругались они над Гуго, Епископом Безансонским? Разве не так действует Диявол, долгие годы пробираясь тайными и темными путями, дабы затем торжествовать, достигнув своей мерзкой цели? Однако адвокат *bestioles* заявляет, будто древесные черви имеют благословение Божие во всем, что бы они ни делали, и во всем, что бы они ни ели. Иными словами, он утверждает, будто, пожирая ножку Епископского трона, они действовали с Божьего благословения. А это равносильно утверждению, что Господь своей собственной рукой поразил одного из Епископов своей собственной Святой Церкви, так же как поразил Он Валтасара, как поразил Он Амалика, как поразил Он Маданитян, как поразил Он Хананеев, как поразил Он Сигона Аморреянина. Не является ли это гнуснейшим богохульством, кое суду надлежит вырвать с корнем, уподобясь в сем Геркулесу, очистившему Авгиевы конюшни?

В-четвертых, здесь было заявлено, что данный суд не вправе выносить решение об отлучении. Но говорить так – значит отрицать власть, дарованную Господом его возлюбленной супруге Церкви, которую Он поставил владычицей над всем миром, все положив под ноги Ее, как подтверждает Псалмопевец, овец и волов всех, зверей полевых, птиц небесных, и рыб морских, и все, преходящее морскими стезями. Руководимая Духом Святым, Церковь не способна ошибаться. Действительно, разве не читаем мы в наших священных текстах о змеях и других ядовитых пресмыкающихся, чей яд был извлечен из них? Разве не читаем в священной Книге Екклесиаста, что «змей непременно ужалит без заговаривания»? Значит, именно в согласии с Божьими заповедями Церковь на протяжении веков использовала свою могущественную, но справедливую власть, карая анафемой и отлучением тех зловредных животных, чье пагубное бытие есть мерзость в очах Господних. Разве не перестали дождь и роса падать на горы Гелвуйские, когда Давид проклял их? Разве Иисус Христос, сын Божий, не повелел срубить и предавать огню всякое дерево, не приносящее доброго плода? А если бессмысленное создание уничтожают за то, что оно не приносит плода, то, конечно же, позволительно и проклясть его, ибо бо́льшая кара включает в себя мёньшую: *cum si liceat quid est plus, debet licere quod est minus*¹⁵. Разве змей не был проклят в саду Эдемском, что заставило его ползать на чреве до конца жизни своей? А когда город Экс подвергся нашествию змей, поселявшихся в теплых ваннах и кусавших местных жителей, так что многие из них умерли, разве достойный Епископ Гренобльский не отлучил сих змей от Церкви, после чего они покинули город? Таким же образом и Епископ Лозаннский освободил Леманское озеро¹⁶ от заплонивших его угрей. И таким же образом он же Епископ изгнал из вод сего озера пиявиц, едящих семгу, коей благочестивые христиане привыкли питаться в дни поста. А разве Эгберт, Епископ Трирский, не проклял ласточек, чей щебет мешал молитвам благочестивых христиан? И разве Святой Бернар сходным же образом и по сходной же причине не наказал отлучением полчища мух, кои наутро, подобно ордам Сеннахериба, усеяли все вокруг своими мертвыми телами? И разве не посох Святого Магнуса, проповедника Альгауского, изгнал и истребил крыс и мышей всякой породы, а также майских жуков? Так не будет ли справедливо и закономерно, если суд покарает отлучением сих злодеев и осквернителей святого Храма Божия? Адвокат *bestioles*

¹⁵ Если дозволено большее, должно дозволяться и меньшее (лат.).

¹⁶ Женевское озеро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.